

ВАЛЕРИЙ ШЕСТАКОВ

УМРИ ВОВРЕМЯ

16+

Валерий Шестаков

Умри вовремя

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Шестаков В. В.

Умри вовремя / В. В. Шестаков — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Стоит ли спасать остатки человечества после ядерной катастрофы? Ведь все мы умрём, и никогда больше не вернёмся в этот мир живыми. А потому никогда о ней, если даже она исчезнет навсегда, не пожалеем. Этот вопрос встаёт перед жителями затерянного в океане острова, на котором ядерная зима уничтожит вскоре и растения, и животных. Имеет ли смысл тратить оставшиеся дни для строительства убежища? Тем, кто не верит в Бога, нужно прежде ответить на вопрос, поставленный Львом Толстым в его «Исповеди»: есть ли в жизни такой смысл, который не уничтожался бы неизбежно предстоящей смертью?

© Шестаков В. В., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

ВАЛЕРИЙ ШЕСТАКОВ

Умри вовремя

**Приидите ко мне все скорбящие и отчаявшиеся,
И я успокою вас**

2009 г

ПЕРЕВОРОТ

Причалил свой корабль я к острову мечты...
/Э.Верхарн. Возлюбленная./

– Всем лечь на пол! Руки на голову!

Резкий командный голос разорвал полуночную тишину просторного помещения аппаратной, грубо оттеснил звуки тропической ночи, вливающиеся в открытые окна. Офицер, ворвавшийся в распахнувшуюся от удара ногой дверь, ткнул дулом автомата в спину одного из четверых мужчин, склонившихся над передатчиком, стоявшим на столе в середине комнаты.

– Что здесь за вертеп? Кто допустил посторонних на государственную радиостанцию? Прекратить сеансы связи! За неподчинение расстрел! Всем лечь на пол!

Недоверчиво глядя на привычно плюхнувшегося на пол радиста и испуганно оглядываясь на протискивающихся в дверь военных, трое остальных, как неважные актеры неумело изображая ущемленное достоинство нарочитой замедленностью движений, растянулись на полу.

– Куда прётесь? – завопил офицер, обернувшись теперь уже на заполняющих комнату солдат. – Ты и ты, – ткнул он пальцем, – останьтесь! Остальные – на улицу! Окружить здание!

Табунное цоканье по плиткам пола, хлопнувшая дверь и удаляющийся коридорный гул. Ботинки двух оставшихся протопали к окну. До лежащих донесся треск раздираемых противомоскитных сеток. Оба солдата высунулись наружу, вглядываясь сверху, с холма, на котором располагалась радиостанция, в благоухающую и стрекочущую тьму, в длинную дорожку мерцающих бликов ущербной луны на ряби залива, на россыпь игривых огоньков прогулочных яхт и расцвеченную громаду стоящего поодаль, у стенки, подготовленного к погрузке туристов круизного парохода. Желе горячего воздуха тягуче вползало в освобожденное окно.

– Кто вы и почему находитесь здесь так поздно? – томно растягивал слова офицер, вальяжно рассевшись на стоящем перед рацией стуле. В последовавшей затем тишине раздалось постукивание ногтем по коробке, шелчок зажигалки, дымный выдох. – Вот ты, например, – короткое дуло ткнулось в ногу одного из лежащих, человека лет сорока, одетого в синий комбинезон.

– Я дежурный радист, – устало, с легким оттенком презрения в голосе произнес тот, не поднимая, впрочем, головы.

– А остальные? – офицер, подозрительно поглядывая на лежащих, потянулся к настольной лампе, направил её свет на безупречные костюмы.

– Мы консультанты вашего правительства, – поднял голову один из троих, толстяк с добродушным лицом и большой изрезанной морщинами лысиной на макушке, обрамленной искрящимися под светом лампы седыми пучками. – Хотели связаться с Европой...

– Между прочим, – с едва сдерживаемым гневом перебил его лежащий рядом мужчина с седым ежиком волос над высоким лбом, – мы здесь по личному разрешению президента. Утром нам придется доложить о происшествии.

– Президент! – вскричал офицер, – да у нас уже два часа как другой президент. Впрочем, я могу предупредить ваше желание пожаловаться. Просто расстреляю. Думаю, это лучший выход. Мертвые не жалуются.

Последние три слова были произнесены с рисовкой, с видимым наслаждением.

В аппаратной воцарилась зловещая тишина.

– Я так и не получил ответа! Кто вы? – ствол автомата уткнулся теперь в ботинок толстяка.

– Я американец, зовут меня Гэмфри, – начал тот мягким, даже ласковым голосом. Возраст он назвать побоялся, так как давно уже должен был быть на пенсии, но здесь, на острове, слава Богу, никому до этого не было дела. – Специалист по строительству подземных сооружений. Восстанавливаю древние выработки по добыче ракушечника, известняка...

– Довольно, следующий!

– Ирвин Лауэлл. Англичанин. 55 лет. Психолог, – отрывисто, с усилием, еле сдерживая возмущение процедурой допроса, выдавил из себя мужчина с ежиком, не поднимая головы.

– С вами тоже все ясно, – с угрозой в голосе подытожил военный. – Следующий.

Оставшийся, худенький молодой человек, заговорил торопливо, будто отвечал экзаменатору: – Поль Круасар, француз, 28 лет, родился недалеко от Нанси, департамент

– Что мне ваши департаменты! Ваша специальность?

– Врач, – запнулся говоривший, – э-э, консультант при министерстве...

– Неужели вы уже так опытные, что нужны нашему министерству как консультант? – недоверчиво и завистливо проговорил офицер. – И давно здесь?

Поль смешался. – Недавно, – неуверенно проговорил он.

– Самые опытные ваши врачи могут поучиться у него, – с чувством вставил англичанин, – он окончил два лучших университета.

Интерес офицера внезапно увял. Шум из наушников, лежащих на столе, отвлек его.

– Мне предложили, и я приехал, – неуверенно, заискивающе, продолжал между тем молодой француз.

Он не понимал, нужно ли продолжать, но не мог остановиться. Его могут убить. Сейчас! Здесь! Поль содрогнулся от жаркой и тошнотной мысли. Он может умереть на этом потерянном в океане острове. Он вообще на радиостанцию попал случайно. Он не имеет к ней никакого отношения. Это недоразумение.

Кто-то протопал, дверь открылась. Пока суконным языком казармы офицер орал в дверь, рык его тупым нытьем отдавался где-то в глубине живота. Поль не разбивал крика на фразы, но подсознательно желал его бесконечного продолжения, так как занятость офицера отодвигала угрозу расправы.

Смерть сейчас, вдруг, среди такой обыденной, привычно бесконечной жизни была дика и противоестественна. Но уже то, что он лежал на пыльном кафельном полу в дорогом костюме, купить который впервые в жизни смог только здесь, на острове, и то, что никто не обращает внимания на подобное кощунство, убеждало в реальности абсурда. Нормальный, привычный мир исчез. От пола несло пылью и резче, удушливее забивала нос вонь прогнивших носок радиста, но Поль не поднимал головы, боясь спровоцировать этого ужасного военного.

Прямо перед его лицом в смутной тени на грязной ножке стола сидела муха, очевидно устроившейся на ночлег, и его отчаяние, заполнившее вначале весь мир, и океан, и остров, сконцентрировалось на этой мухе. Она, это жалкое создание, будто ни в чем не бывало чистящее крылышки, жило в другой, параллельной вселенной, и оставалось для бесконечной беззаботной жизни, и между ней и им, обреченным, была уже громадная, непреодолимая пропасть. Фасетки мушиных глаз уставились на Поля. Муха улыбалась! Злорадно, издевательски! Над ним, таким большим и уязвимым. Какое, однако, это счастье – быть незаметной, безразличной всем мухой, не чувствовать тоски, ужасного предчувствия конца. Он готов всю оставшуюся жизнь дышать омерзительной носочной вонью, лишь бы...

– Так что же вам всем понадобилось на радиостанции в такое позднее время? – дошел до сознания Поля голос.

– Пытались связаться с материком, – осторожно начал Гэмфри. – Некоторые из нас беспокоятся о семьях.

– Ну и как? Связались?

– Еще нет, – кротко ответил старик.

– Встать! К стене! Ишь, разлеглись здесь, – вдруг грубо выкрикнул офицер, подвигая стул ближе к рации. – А ты продолжай свое дело, – тронул он носком ботинка ногу радиста.

Мужчина в комбинезоне медленно поднялся и с оскорбленным видом сел на свой стул. Трое остальных, осторожно, стараясь не шуметь, отряхивая невинные костюмы, отошли к стене.

– Смотри на коротких, – подал голос Ирвин.

– Здесь командую я! – отрезал офицер. – У вас что, большая семья? – смягчился он.

Англичанин угрюмо молчал.

– У него дочь и двое внуков в Англии, – предупредительно затараторил Гэмфри, – а вот у нас с Полем никого.

Звук морзянки внезапно прорвался сквозь сплошной треск и шипение эфира.

– Любитель вызывает. Отвечать? – спросил радист, не поворачивая головы.

– Отвечай!

Ответ пришел сразу.

– Из Испании. Где-то в горах, – небрежно, сквозь зубы цедил радист. Всем своим видом он хотел показать презрение к этому напыщенному военному. – Сообщает о беженцах из долин. Все больны. Умирают. Резко похолодало среди лета. Солнца не видно. Постоянная ночь. В эфире сильные помехи и никто не отвечает вот уже три дня. Батарейки садятся. Пепел и снег падают с неба.

Морзянка смолкла. Радист отстукал что-то. Ответа не последовало.

– Что ты ему передал? – нетерпеливо произнес офицер.

– Свой координаты.

– Почему же он молчит?

– Чего же ему разряжать батареи? Ведь ему до нас как до Луны.

– Ищи дальше!

Несколько минут прошло в треске разрядов. Поль тихо радовался в полутьме, забытый. Обстановка стала будничной, ничто больше не предвещало трагедии. Наконец из своего темного угла он смог рассмотреть офицера. Длинные ноги, вытянувшиеся с низкого стула чуть ли не на половину аппаратной, оканчивающиеся черными туфлями на неестественно высоких каблуках. Тощее тело, резкие, будто выскакивающие лезвия складного ножа, движения рук, фуражка с высокой тульей. Худое темное лицо и, как свежие кусты омелы на зимнем, безлиственном дереве, светлые, чуть навывкате глаза.

«Настоящий богомол» – подумал Поль.

– Попов еще не родился, – пошутил радист, не находящий в эфире ничего, кроме атмосферных разрядов.

– Что же могло произойти там? – ни к кому конкретно не обращаясь, нетерпеливо воскликнул Богомол.

– Мог упасть большой метеорит, или произошла ядерная катастрофа, взорвался вулкан..., – стал перечислять Гэмфри из своего угла.

– В таком случае вы застряли на нашем острове надолго. А может и навсегда. В клетке из воды, – рассмеялся Богомол и тут же рука его, выпорхнувшая вверх, сделала предостерегающий жест.

Визг тормозов с улицы, топот ног по коридору.

– Встать к стене! – фальцетом крикнул Богомол на троих, незаметно вновь сгрудившихся у передатчика.

Двое забытых солдат торопливо прыгнули с подоконника, бряцая металлом.

Стремительно вошедший генерал, жестом остановив порывающегося доложить офицера, поморщившись от смрада, который вместе со зноем, уличными испарениями и вонью перегретой аппаратуры без усталости месил потолочный вентилятор, внимательно осмотрел присутствующих.

– Кто эти люди?

– Консультанты прежнего правительства, господин президент! Сейчас уберем!

Это “уберем” было сказано таким тоном, что несколько мгновений, в течение которых президент раздумывал, а в аппаратную протискивалась его многочисленная свита, показались консультантам вечностью. У англичанина, который теперь, выпрямившись, оказался довольно высоким и немного сутулым человеком, холодно блестели глаза из-под насупленных бровей. Лицо толстяка Гэмфри выражало обиду и недоумение. Поль побледнел.

– Сейчас каждый специалист на счету, – произнес, наконец, президент. – Утром прибыть во дворец на совещание! – жестко бросил он, окинув еще раз троих изучающим взглядом, и прошел в соседнюю комнату с загоревшейся над ней надписью «Микрофон включен».

Богомол разочарованно посмотрел на пыльных, как половые тряпки, пленников. Последние же, один с гордо поднятой головой и двое других, с трудом сдерживающие ликование, быстро вышли из комнаты.

Только отъехав от радиостанции и перестав ощущать на себе подозрительные взгляды солдат, заполнивших двор, консультанты вздохнули с облегчением.

– Я не в первый раз в подобной переделке, – возбужденно тараторил Гэмфри, – нам просто повезло. Могли бы не вернуться домой. Вам не приходилось попадать в такие ситуации раньше? – обратился он к Ирвину.

– Нет, – сухо буркнул тот, не сводя глаз с дороги.

Он был так краток, возможно, потому, что как самый опытный водитель из троих обкапывал новенькую служебную машину, выданную Полю по приезду, был очень осторожен и весь поглощен дорогой.

– Да вы не переживайте, – догадался, однако, о настоящей причине его плохого настроения Гэмфри, – это еще ничего не значит, если нет связи. Сейчас по неизвестной причине действительно случились пожары, горели леса, как это часто бывает летом в Европе. Пепел, поднявшись в стратосферу, экранирует радиоволны. Пройдет несколько дней, и мы свяжемся с Англией, все узнаем. Даже если где-то, не дай Бог, была война, она не затронет ваш городок. Он не представляет никакой ценности и не может служить мишенью. Вы увидите с дочерью и внуками, а лет через десять даже забудете о сегодняшних переживаниях. И все забудут.

Ирвин не отвечал. Он был подавлен сорвавшейся возможностью выяснить хоть что-нибудь о семье, не мог простить себе контракт с местным правительством, заключенный ради денег, и не терпел опостылевший уже ему остров с вечным карнавалом, на котором оказался теперь ненужным статистом.

– А вы как себя чувствуете? – обернулся Гэмфри к сидящему на заднем сиденье Полю. – Привыкаете к превратностям судьбы?

– Привык уже, – смущенно улыбаясь и досадуя на себя за это смущение, как можно более равнодушным тоном ответил тот. Он завидовал достоинству, с каким вел себя Ирвин, всячески старался подражать манере разговора и даже жестам англичанина. И радовался, что в темноте никто не замечает его идиотской улыбки, которую он не мог сдержать, не догадывается о его ликованиях при мысли, что он только что избежал смертельной опасности и пережил настоящее приключение. Теперь его радовало все. И то, что он приехал на этот остров после смерти тети, его единственной родственницы, и имеет теперь работу, кучу денег, коттедж и машину,

да еще таких великолепных соседей, которых он в порыве восторга готов был сейчас расцеловать. И то, что перед ним еще очень долгая, мифический конец которой терялся в дымке будущего, самостоятельная и, безусловно, счастливая жизнь, которая начинается в обворожительном тепле благоухающего сада, удивительные краски которого выхватывают сейчас из тьмы фары машины.

– Не нравится мне этот переворот, – продолжал между тем размышлять Гэмфри. – Совершенно не ясна причина. Где я только не был, везде можно было хотя бы предполагать его возможность. А тут какая-то тайна.

Грохот двигателя, лязг гусениц прервали размышления.

Поль сразу узнал место. Они уже выехали из города, миновали китайский ресторанчик и свернули с дороги, уходящей в холмы, к своим коттеджам, на самый юг острова. И вот здесь, с бокового шоссе, уходящего вправо к берегу, к отелю «Океан», в клубах сизого дыма прямо на середину дороги внезапно выскочил танк. Из открытого люка водителя показалась голова в шлеме.

Ирвин молча вышел из машины. Спутникам ничего не оставалось, как только с тревогой вглядываться в ночь на Ирвина, освещенного ближним светом фар их автомобиля, стоящего у гусеницы и что-то объясняющего танкисту, и рассматривать отель, который громадным океанским лайнером, расцвеченным белыми фонарями по периметру, возвышался у самого берега океана метрах в пятистах от перекрестка.

Переговоры закончились на удивление быстро, и танк, фыркнув сизым, колеблющимся в свете фар дымом, откатился назад.

– Всех туристов отправляют с острова, – мрачно процедил Ирвин, усаживаясь в водительское кресло. – Военные думали, что мы туристы.

Тронулись.

– Как! Отправляют прямо сейчас? – воскликнул Гэмфри. – Ночью? Но это же разрушение собственной экономики! Ведь туризм основа жизни острова! Только вчера убыла основная их часть на предыдущем теплоходе.

– Я удивляюсь этим туристам, – мрачно проговорил Ирвин. – После сообщений о подобной трагедии на материке они еще могут отдыхать? А вчерашний теплоход, который отбыл в Европу, видели, между прочим, в заливе у катакомб, которые вы изучаете. Что бы это значило?

– Хочу сказать о местном правительстве – проигнорировал замечание о теплоходе Гэмфри. – Здесь же практически нет промышленности, кроме сельского. . . .

Визг тормозов, глухой удар вновь не дали ему договорить.

Внезапно выскочивший из кустов справа автомобиль почти проскочил перед ними, но все же не избежал касательного удара в бок багажника, отчего его немного развернуло. Не останавливаясь и визжа резиной автомобиль рванул в сторону города. В свете фар за опущенным передним стеклом промелькнуло испуганное лицо молодого мужчины, выключенный фонарь с шашечками на крыше.

Ирвин остановил машину, медленно вылез, с трудом выпрастывая длинные ноги, и прошел вперед. Поль выскочил с заднего сидения и тоже бросился к месту удара. Небольшая вмятина рядом с левой, круглой по последней автомобильной моде, выползающей из орбит, будто у машины был запор, фарой. Даже стекло не повреждено. В темноте трудно было разобрать цвет остатков краски другого автомобиля.

– Сильно побили машину? – спросил Гэмфри, когда спутники вернулись на свои места.

– Ничего серьезного, – глухо проговорил Ирвин.

– Да, не стоит и думать! – поддакнул Поль на правах хозяина, хотя ему, если быть честным, было бесконечно жаль. . . .

– Такси должны задержать танкисты! Так что и гнаться не придется, – продолжал Гэмфри.

– Пустое! – Ирвин досадливо махнул рукой.

После происшествия на радиостанции он совершенно преобразился. Ни обычных шуток, ни комментирования событий. Вот и в машину влезал с трудом, медленно, сонно.

В полном молчании подъехали к коттеджам, расположенным в густых зарослях недалеко от берега на мысу, с трех сторон омываемого океаном. Построенные для иностранных специалистов сразу после освобождения, они стояли двумя рядами, создав небольшую улицу, в разросшейся и почти скрывшей их зелени. Все коттеджи, кроме трех, пустовали в настоящее время. Сквозь старый потрескавшийся асфальт на тупиковой дороге тут и там пробивалась зелень.

Тускло блеснули пыльные стекла машин у калиток Ирвина и Гэмфри, когда они разворачивалась у коттеджа Поля.

– Я решил немедленно покинуть остров и возвратиться домой, – глухо произнес Ирвин, заглушив двигатель и повернувшись к спутникам.

– Как! – растерянно воскликнул Гэмфри, – ведь по контракту вы должны будете уплатить неустойку! А она большая. Ведь вы не отработали и четверти срока!

– Представьте, что нас расстрелял этот . . . Кто бы платил неустойку?

– Не знаю, – потерялся Гэмфри. – Впрочем, давайте посчитаем!

После долгих расчетов вышла кругленькая сумма.

– Я всего неделю назад, еще было тихо, выслал деньги дочери, – с досадой проговорил Ирвин.

Поль молчал потерянно. Ему было непонятно, как можно разорвать контракт, когда здесь так чудесно, когда платят так много за довольно простую работу.

– У меня есть накопления! – предложил Гэмфри. – Берите дни за счет отпуска, поезжайте к дочери, а потом вернетесь.

– Работают ли банки?

– А я держу деньги не в банке, а у одного местного менялы, – назидательно проговорил Гэмфри. – У него-то можно забрать деньги всегда. Уже лет пять, как я отдал ему крупную сумму. Он обещал вернуть с небольшим процентом. А текущие доходы я трачу на свой домик!

– Тогда после посещения дворца и поедем к меняле, – задумчиво проговорил Ирвин. – А долг я отдам. . .

– Какой может быть разговор, – обиженно прервал его Гэмфри.

ЕДИНОМЫШЛЕННИКИ ПОНЕВОЛЕ

. . . И сказал Бог Ною:

Конец всякой плоти пришел пред лице Мое;

/Бытие. Гл.6:13/

Топот в ночи.

Со стороны встающей зари.

Шумное дыхание за окном. Каблуки стучат по старому асфальту, будто деревянные сабо, перекрывая приглушенный зарослями рокот прибора.

– Проклятый любитель здоровья! – чертыхнулся Поль, откидывая простыню.

Опыт показывал, что уснуть больше не удастся. С первых дней своего пребывания на острове по утрам он просыпался от топота, но ни разу не видел бегущего. Да и кто бы это мог быть? Ни Ирвин, ни Гэмфри, Поль знал это, не бегали по утрам, а ближайшее жилье было у поворота к отелю «Океан», там, где они столкнулись с автомобилем таксиста, километрах в десяти отсюда. Впрочем, хорошо, что его разбудили. Вчера было не до выяснения у Президента точного времени прибытия во дворец, поэтому, чтобы не опоздать, Гэмфри попросил друзей подняться как можно раньше.

Ярко оранжевые, кисти разухабистого маляра, мазки зари только очертили омытое утренней росой небо, когда три машины ринулись от коттеджей к городу. Промелькнули ряды стройных пальм, вытянувшихся почетным караулом на фоне темного в этот ранний час океана, затем дорога отошла от берега. Танка у перекрестка не было. Дорога вниз к океану, где выбросившимся на берег лайнером, глядевшим на них ныне черными провалами безжизненных окон, возвышался отель, была пуста. Фонари не горели. В придорожном китайском ресторанчике у поворота к городу хозяин, всегда улыбающийся китаец, уже стоящий под красными фонариками у ярко раскрашенной цветами и птицами входной двери, изумленно смотрел, как его постоянные клиенты проследовали мимо.

Поль включил радио. “...эти данные не точны. Наши специалисты пока только гадают о причинах катастрофы. Вполне возможно также, что имел место чудовищный теракт, либо это природный катаклизм, приведший к детонации накопленных зарядов. Все это не снимает вины с ядерных держав и их граждан за произошедшую глобальную катастрофу. Я не оговорился, упомянув граждан. Жители любого государства должны быть ответственными за действия своего правительства, и должны разделить его вину...” – четкий голос, заполнивший салон, напомнил Полю вчерашнее приключение, так счастливо закончившееся именно благодаря обладателю этого голоса. – “По разведывательным данным на материке не осталось ни одного государства, сохранившего свою политическую систему и жизнеспособность. Нам пришлось совершить переворот и свергнуть никчемное правительство, которое за прошедшее после катастрофы время ничего не сделало, да и не собиралось делать что-либо, для обеспечения безопасности жителей острова. Мы призываем всех к спокойствию и просим поддержать усилия нового правительства, которое будет принимать необходимые меры...”

Поль выключил звук. Искать другую волну не имело смысла. Работало только местное радио. А верить его сообщениям, уверял Гэмфри, значило себя не уважать.

И действительно, сама вероятность катастрофы на материках могла быть лишь плодом воображения тупых местных военных. Прав Гэмфри. Могло случиться что угодно, что затрудняло связь острова с внешним миром, что экранировало радиоволны, но около этого факта они наворотили груды лжи в своих интересах. Надо же им оправдать переворот.

Впереди на пустом шоссе маячит машина Гэмфри. По утрам каждый из специалистов использовал собственную машину. Это по вечерам в ресторан их возил Ирвин, так как Поль новенькую машину, предоставленную ему по должности на острове, водил еще неуверенно, а Гэмфри любил пропустить за ужином стаканчик-другой.

Утренний ветерок, врываясь через опущенное стекло, приносил запахи травы и цветов. Все окружающее стало за прошедший месяц привычным и близким, и мысль о том, что где-то в этот самый момент могло быть иначе, не зелено и не тепло, не укладывалась в сознании Поля. Он с удивлением отметил, что его не трогают слухи о гибели государств. В конце концов, на материке, после смерти тети, заменившей ему мать, у него не осталось в живых ни одного близкого человека. Друзей он не имел по причине излишней стеснительности и замкнутости. Чего же жалеть равнодушное к нему человечество? Но скорее всего это оттого, что он уверен: все измышления новоявленного Президента – бред. Целые страны не могли погибнуть. Гэмфри совершенно прав!

Город только просыпался. На улицах было пустынно, только у самого дворца стояло несколько танков и грузовиков, возле которых слонялись сонные солдаты. Но на парковке уже стояли легковые автомобили.

Ночью во дворце, очевидно, был бой. Несколько окон зияли разбитыми стеклами. На серых от въевшейся пыли облицованных пиленым известняком стенах белели, как оспины на загоревшем лице, свежие выбоины от пуль.

У входа в здание за кучей мешков с песком, уложенных полукругом, прибытие специалистов зарегистрировал, записав их имена и специальности, небритый офицер с воспаленными глазами, прежде долго выяснявший необходимость их пребывания во дворце.

В обширном фойе перед дверью зала Государственного Совета, куда их провел солдат-посыльный, уже находилось около двадцати человек, и с каждой минутой подходили новые люди. У светлеющих окон стояли обвешанные оружием солдаты. От запаха сгоревшего пороха свербело в носу. А еще в здании, уверен был Поль, спрятали айсберг. Через некоторое время от холода волоски на его руках встали дыбом. Впервые костюм, который он был вынужден носить постоянно как официальное лицо, оказался к месту. Во Франции при подобной температуре в комнатах зимой начинали топить, здесь же кичились избыточным кондиционерным холодом.

Гэмфри, успевший поработать на острове много лет и добровольно взявший на себя функции гида, заочно знакомил Поля с прибывающими, указывая на них глазами. Иногда он ненадолго отходил, чтобы поздороваться, перекинуться несколькими фразами. Ирвин, погруженный в свои мысли, заложив руки за спину, циркулем длинных ног мерил мавзолейный мрамор фойе, сухо кивая знакомым.

Порывистые движения, лихорадочно блестящие глаза и излишне бодрые приветствия собравшихся напомнили Полю студентов, толпящихся перед экзаменационными дверями. Вскоре дежурный офицер стал громко выкрикивать фамилии, сверяя их с принесенным с собою списком. Отозвавшиеся боязливо протискивались в открывшиеся двери зала.

Когда специалисты вошли, в зале уже находились несколько десятков офицеров, занимавших левый сектор кресел. Очевидно, их впустили через другую дверь, так как в фойе военных не было. Правый сектор кресел занимали чиновники бывшего правительства, насколько можно было судить из бормотания Гэмфри, перечислявшего их должности.

–Вон тот, лысый, в роговых очках, министр финансов,– кивнул Гэмфри на одного из них. – Правая рука бывшего президента. Не думаю, что он в восторге от переворота.

–А что с прежним президентом? – тихо спросил Поль, когда они сели во втором ряду среднего сектора, между чиновниками и офицерами.

–Расстрелян ночью вместе со всеми защитниками дворца,– зашептал Гэмфри, озираясь. – Не пощадили никого! Говорят, погибших приказано похоронить немедленно, прямо сейчас. Ужасно кровавый переворот. Обычно они здесь происходили проще смены дежурного по классу....

Входная дверь зала скрипнула. Худой, длинный и сутулый, с натянутой на скулах кожей, в круглых очках в дешевой проволочной оправе мужчина лет тридцати пяти протиснулся в полуоткрытую створку. Ёжик черных волос, старенький свитер и папка в руках придавали ему вид студента-переростка. Тихий гул голосов при его появлении на мгновение замер.

–Это известный врач,– зашептал Гэмфри. – Был осужден за коммунистическую пропаганду. С тех пор прошло больше года. Все зовут его Рэд, то есть красный. Наверное, его только выпустили.

Поискав глазами свободное место, вошедший подошел и сел впереди Гэмфри, равнодушно кивнув ему.

Внезапно раздалась команда, офицеры вскочили. За ними, озираясь, неуверенно стали подниматься и остальные. К столу президиума, покрытому зеленым сукном, из-за кулис вышел человек в генеральском мундире, спасший специалистов прошлой ночью. Он нетерпеливо махнул рукой, отмахиваясь от рапорта, призывая садиться.

–В этом зале много тех, кто пошел вчера за мной на штурм дворца, и они знают, почему это сделали, – сев за стол и подвинув к себе пискнувший микрофон, произнес Президент. – Я не представляюсь, так как вы все хорошо меня знаете, и объявляю, что взял на себя исполнение функций президента.

Ровный и сильный голос завораживал. Поль поймал себя на мысли, что и он беспрекордно пошел бы за этим спокойным и уверенным в себе человеком.

–Мы на пороге ужасной катастрофы. Прежнее правительство было неспособно предпринять меры для спасения человечества, и мы были вынуждены прибегнуть к силе, чтобы совершить задуманное. Важность задачи, стоящей сейчас перед нами, оправдывает любые меры для ее решения. Все демократические завоевания отменяются. Объявляю военное положение и комендантский час. Политические разногласия в настоящий момент бессмысленны, и мы будем работать бок о бок со всеми, кто нужен для дела.

Тишина в зале была полная.

–У нас нет связи с внешним миром,– продолжал между тем новый президент. – Есть основания полагать, что жизнь на материках практически уничтожена. Приношу соболезнование всем, имеющим вне острова родственников или друзей, нашим специалистам, потерявшим свой дом. Основанием для подобного утверждения служат разведывательные полеты нашего единственного военно-транспортного самолета.

Головы присутствующих повернулись к трем друзьям.

Поль растерянно совал руки в карманы костюма.

Гэмфри с трагическим лицом пожимал плечами.

Ирвин поблел.

–Однако нас самих скоро затронет эта война или нечто, погубившее мир. С этого момента своей речью хочу предупредить: всё, о чем здесь будет сказано, является государственной тайной. Вольное или невольное ее разглашение приведет к панике на острове, сорвет все наши планы по спасению, и поэтому будет караться расстрелом на месте. В то же время я никого из присутствующих не могу освободить от участия в предстоящей работе и не спрашиваю о желании. С одной стороны сюда пришли мои единомышленники, – президент широким жестом показал на присутствующих офицеров,– с другой представители промышленности, финансов и специалисты различных отраслей знаний. Перед всеми нами стоит одна задача – спасти будущее человечество. Прошу вас, доктор.

Рэд поднялся и подошел к небольшой трибуне. Недоуменный шепот пронесся над рядами.

–Господа! В результате неведомой пока катастрофы миллиарды тонн зараженного грунта и дыма от сгоревших лесов и городов выброшены в стратосферу. По данным разведывательного полета военно-транспортного самолета и нашим расчетам уже через несколько дней уровень радиации на острове начнет повышаться за счет выпадения радиоактивной пыли, и затем в течение 15-20 лет из-за высокого фона радиации женщины будут рожать обреченное на вымирание потомство. Так что мы теперь не остров. Мы – тонущий Титаник!

–Пропаганда!

Министр финансов, сорвав роговые очки и привстав, как большая нахохлившаяся птица всматривался в повернувшиеся к нему лица. – Пропаганда,– вновь фальцетом крикнул он. – Не хватало нам слушать бредовые измышления какого-то коммуниста. Я все понял! Нам преподносят басни, чтобы оправдать переворот и вынудить раскошелиться! Если повысится радиация, мы предложим радиозащитные препараты, поможем каждому вырыть убежища, выпустим защитные фартуки, свинцовые трусы, наконец. А «красные» будут и без того надежно защищены от радиации толстыми стенами, – добавил он под одобрительный гул своего окружения.

–Он может позволить себе такое выступление,– почтительно зашептал Гэмфри,– у них деньги, а это больше, чем власть.

–Самое главное не это,– продолжил Рэд усталым голосом, переждав шум и не обратив, как и Президент, никакого внимания на выкрики министра. – Миллионы тонн пыли и сажи от сгоревших городов и лесов поднялись в стратосферу, практически закрыли Солнце. Это тоже было известно, но таких размеров бедствия не ожидал никто. В Европе среди лета выпал снег.

Началась нескончаемая ночь. И мы с вами через очень короткое время в последний раз увидим солнечный свет. Пока над островом высокое атмосферное давление, но уже через пять-шесть дней температура воздуха начнет быстро понижаться, пойдут дожди, затем снег, а это означает смерть растениям, смерть животным.

Рэд говорил медленно. Четкие фразы впечатывались в настороженную тишину.

– Через несколько лет пыль опустится, температура воздуха восстановится. Но это будет уже мертвая Земля, – закончил он.

Наступило тягостное молчание. Вдруг первый луч Солнца прорвался сквозь неплотно закрытую штору. Померк свет ламп, и все заиграло, задвигалось, ожило. Вздох облегчения прокатился по залу.

– Все это преувеличено! – воскликнул кто-то.

Рэд подошел к окну, раздвинул шторы и толкнул раму наружу. – Взгляните на Солнце! – воскликнул он. – Уже сегодня оно кровавое!

Сквозь окно широким потоком влились коричневые лучи. А за ними в наступившую тишину ворвались звуки похоронной меди.

– Что можете предложить для нашего спасения? – обратился к залу Президент. – Пока решение не будет принято, никто отсюда не выйдет.

Поль оглянулся. Растерянные и испуганные лица со всех сторон. Только Гэмфри выглядел благодушно.

– Вы все же не верите, что всем грозит гибель? – шепотом спросил его Поль.

– Я слышал столько лжепророков, сынок, что меня не запугаешь. Это просто местные дикие политические игры. Лучше...

– Не будем терять времени, – заговорил Президент, прерывая шум приглушенных разговоров и нетерпеливо посмотрев на часы. – В кругу соратников мы уже все обдумали, а надежда на свежие идеи, я вижу, маловероятна. Офицеры знают все о наших планах, – многозначительно повысил он голос. – Некоторые из специалистов и поверивших нам чиновников прежнего правительства уже приступили к решению той задачи, о которой сейчас услышите. Продолжайте, доктор!

– Для спасения человечества, – задумчиво заговорил Рэд, успевший возвратиться к тому времени на свое место у трибуны, – необходимо отобрать некоторое количество людей, снабдить продовольствием и укрыть в катакомбах. Туда же поместить животных, растения, птиц. Уже через несколько лет можно будет высаживать некоторые растения, и разводить животных вне укрытий. Люди же должны укрываться не менее пятнадцати лет, выходя лишь на короткое время для работ.

– Реально ли создать такой Ковчег на острове? – воскликнул кто-то.

– На острове столетиями, пока не перешли на лес, дома строили из известняка, который добывали недалеко от города в горах. Общий объем выработок, а также размытых водой пещер в горах к северу от города по предварительным расчетам превышает двести миллионов кубометров. Туристов туда не водили из-за опасности обвалов. Но если провести работы по укреплению сводов то Ковчег – можно так и назвать наш проект – будет готов.

– Сколько людей может вместить этот Ковчег? – спросил кто-то из группы финансистов.

– Вопрос не имеет смысла.

Рэд поднял руку, пытаясь погасить гул, вызванный его ответом. – Туда можно поместить все население острова (ликование в зале). Но вас интересует, скорее всего, другой вопрос: сколько людей можно прокормить до тех пор, пока им можно будет выбраться на поверхность.

Он оглядел притихший зал.

– Вы обязаны знать все, чтобы со знанием дела вести трудную работу. Если сейчас же начать консервировать продукты, напрячь все силы для создания Ковчеха, можно обеспечить на это время две тысячи взрослых или три тысячи детей. Учитывая то, что через несколько

дней воспроизводство растительности на острове прекратится, животные погибнут, продовольствия для остального населения не останется.

Будто холодом повеяло из открытого окна.

Минуты три стоял невообразимый шум.

– Мы считаем, – громко начал, перекрывая его, вновь поднявшийся министр финансов, – мы считаем, что если все сказанное хоть немного соответствует действительности, то нужно оценить стоимость пребывания человека в Ковчеге в течение необходимого времени, а затем выпустить билеты по числу возможных мест в нем и продать на аукционе. Это самый демократичный способ решения проблемы и другого не может быть.

Министр сел, решительно поджав губы.

Весь зал смотрел на Президента. Тот молчал.

Чем дольше длилось молчание, тем большее беспокойство проявляли офицеры. Один из них даже привстал, порываясь что-то сказать, но Президент движением руки усадил его на место.

– Сколько будет стоить место в Ковчеге? – спросил кто-то из финансистов.

– А сколько будет стоить кусок хлеба? Если он последний на планете? – вопросом на вопрос ответил Рэд.

В зале между тем нарастало напряжение. Поль чувствовал это буквально кожей.

– Продолжайте, доктор, – напомнил Президент, оторвавшись от каких-то своих мыслей и подняв голову. Казалось, он давно знает все, о чем говорилось в зале, и теперь проводит совещание как старый учитель давно вызубренный, опостылевший урок.

– В связи с тем, что в течение 15 лет необходимо будет оберегать людей от пребывания на поверхности земли, – продолжил Рэд, – решено оставить в Ковчеге детей от трех до пяти лет. Они будут находиться под землей, потребляя минимальное количество пищи и ресурсов весь этот период, а когда наступит возраст размножения, уже смогут выйти наружу. Всего три тысячи детей. И еще 100 человек взрослых. Их задача – воспитать, обучить и вырастить будущее поколение, поддерживая одновременно работу механизмов, а значит и жизнь в Ковчеге.

– Кто же войдет в число воспитателей? – хрипло и с ехидными нотками в голосе спросил кто-то из группы финансистов.

– Да-да, кто? – раздалось еще несколько голосов.

– Если мы начнем делить места в Ковчеге или устраивать в него по протекции, по политическим или религиозным убеждениям, по финансовому положению в нашем обществе, мы можем упустить последний шанс спасти цивилизацию. Поэтому я предлагаю всем находящимся здесь дать клятву в том, что никто из нас не будет претендовать на место в Ковчеге, а также не будет устраивать туда своих детей или близких.

Садился Рэд на место в такой тишине, что слышно было тяжелое дыхание министра финансов, который тут же вскочил.

– Откуда возьмут деньги ваши дети, – закричал он, и лицо его побагровело, и вены на лбу вздулись, – неужели вы думаете, что я отдам свои, а сам побегу на кладбище?

– Нужно национализировать частную собственность, – приподнявшись и оглядывая зал в поисках сочувствующих, проговорил Рэд. – Вы что же, верите, что специалисты, без которых невозможно соорудить подобный Ковчег, будут делать его вам за ваши обесценивающиеся деньги? – обратился он к Министру. – Нет, только чувство долга и самопожертвование могут заставить теперь работать человека знающего истинное положение вещей.

– Это коммунистическая пропаганда, – Министр чуть не задохнулся от злости, – он просто хочет, воспользовавшись ситуацией, произвести социалистический переворот! Да все он врёт!

– Не стоит горячиться, – спокойно заметил Президент. – К сожалению, в словах доктора горькая правда. При тех же затратах гораздо перспективнее спасти детей. Мы с вами слишком стары, чтобы быть сыновьями Ноя.

– Ка-ак, и вы...?! – свистящий шепот Министра был слышен во всех уголках зала. – Да это заговор! Я пойду в казармы, я открою глаза всем остальным офицерам, мы раздавим революцию в самом ее начале... – он рванулся из рук державшего его соседа.

– Вы что, угрожаете мне? – холодно, с оттенком презрения произнес Президент. – Успокойтесь. Постараемся учесть все ваши пожелания. Дайте мне время уговорить вас. Вы нам нужны...

– Вы тоже коммунист! Я раскусил вас! – орал вошедший в раж Министр. – Мы не договоримся. Каждый честный человек пойдет за мною для спасения свободы и демократии, против преступников, захвативших власть!

Министр бросился к выходу из зала. Несколько человек из его окружения решительно поднялись с мест.

Полю понял, что происходит нечто незапланированное. Однако Президент был спокоен. Он даже головы не поднял, будто и не слышал шума в зале, не посмотрел на бегущего, уже взявшегося за дверную ручку.

И тут раздался хлесткий звук выстрела.

Министр застыл у двери. Затем медленно повернулся лицом к залу и тяжело рухнул навзничь. Роговые очки стукнулись об пол.

Поднявшиеся было финансисты медленно опустили в свои кресла. Богомол, а это был он, сидевший на первом ряду у выхода, судорожно совал пистолет в кобуру.

Дверь распахнулась. Несколько солдат охраны вбежали, на ходу щелкая затворами автоматов.

– Уберите это, – Президент презрительно махнул рукой в сторону труп.

От скрежета пуговиц о палисандровый паркет, пока солдаты волоком неумело тащили труп за дверь, у Поля заныли зубы.

– Еще кто-нибудь стремится к демократии? – устало произнес Президент, оглядывая притаившийся зал. – Человеческая жизнь нынче ничего не стоит. Всем нам осталось несколько дней. И эти несколько оставшихся дней просто подарок, которым нужно распорядиться разумно. Если возражений нет, считаю решение принятым. Все полнота власти в государстве отныне принадлежит всем присутствующим. Вы все обязаны работать по обустройству Ковчега. Для отличия от остальной части населения будете носить металлические пластинки на груди, на которых будет указан род занятий, к примеру: электрик, сантехник, безопасность и тому подобное, чтобы можно было обращаться друг к другу по роду занятий, избегая потерь времени на знакомства. Офицеры безопасности будут следить, чтобы население до конца не подозревало о том, что оно обречено на гибель. Кто будет мешать, будет уничтожен без суда и следствия как и министр финансов только что. Кстати, семья министра будет уничтожена сегодня же. Это чтобы каждый знал, что ждет его за отказ от сотрудничества. Иначе, как верно заметил наш доктор, наступит хаос и никто не будет работать на идею. Операцию по спасению детей мы так и назовем – Ковчег. По радио и телевидению объявим, что создается убежище для всего населения острова на период выпадения осадков и пережидания краткосрочного похолодания, и призовем помочь правительству в решении этой задачи. За высказывание других версий – смерть паникерам на месте. Все рабочие с производств, не занятых работой на Ковчег, все солдаты, полиция должны сегодня же быть мобилизованными и приступить к работе в Ковчеге.

Президент подумал несколько секунд. Похоронная музыка все еще доносилась сквозь открытые окна и была самым подходящим фоном для всего происходящего в зале.

–Позволю себе не согласиться только с одним из предложений Доктора. Для обслуживания Ковчег и воспитания детей необходимы взрослые люди, а кто кроме специалистов, конечно лучших, – многозначительно поднял он палец, – может справиться с этим делом? Точно так же нам понадобятся и многие другие из здесь присутствующих. Поэтому говорить о том, что все находящиеся в этом зале не нужны для будущей жизни в Ковчеге, неверно. Более того, именно многие из присутствующих здесь останутся для поддержания жизнедеятельности Ковчеге. Ну а теперь, Доктор, забирайте специалистов и действуйте по нашему плану. С остальными я еще поговорю. Отдельно с теми, кто будет организовывать работу предприятий и фирм. Отдельно с офицерами. Каждый будет выполнять свою задачу, никто не останется без дела, и для каждого у меня есть свое предложение, которое его устроит.

И дальше уже все молчали, пока последний специалист не вышел из зала.

ПИРАТЫ.

Кто, имея возможность предупредить преступление, не делает этого,
тот ему способствует.
(Сенека младший)

Когда прекратишь грабительства,
разграбят и тебя.
/ Исаия, 33:1/

Солнце поднялось уже высоко, но утренняя дымка еще не исчезла и на порт, казалось, набросили тонкую кисею, сотканную из соломенных солнечных лучей.

Поля, уже с металлической пластинкой на груди с надписью “Врач”, стоял на пирсе в порту в нескольких кварталах от Дворца. Службы Дворца работали круглосуточно, иначе их фамилии, только утром появившиеся в списке у дежурного Офицера, не были бы напечатаны на глянцевой бумаге, сверяясь с которой вконец издерганный служащий по выходе из зала выдал каждому металлические пластинки с указанием специальности владельца и выгравированным государственным гербом?

Специалисты прошли в отдельное помещение на втором этаже. Рэд так пристально разглядывал Поля, пожимая руку при знакомстве, что, казалось, для полной картины нужно было предоставить ему и анализы.

–В нашем распоряжении всего шесть дней, – сказал он. – Столько же, сколько было у Господа для сотворения мира. И вас, как и апостолов, двенадцать. Был ли план у Господа мне неизвестно, но у меня он есть и уже утвержден президентом. Все расписано по дням и каждому из вас отведена определенная роль. Вы, пользуясь предоставленной вам неограниченной властью на острове и любыми доступными для государства средствами, будете воплощать план в жизнь.

–А что будет на седьмой день? – спросил кто-то из специалистов.

–Воскресение, – чуть задумавшись, ответил Рэд. – Но продолжим. Хочу попросить вас дать мне слово, что ни мы сами, ни наши дети, ни наши знакомые или родственники не попадут в Ковчег с нашей помощью. Я говорил уже, что если наша деятельность будет подчинена не делу, а интригам, мы не выполним свою миссию в такое короткое время. Об этом я уже доложил Президенту, поэтому он не будет разговаривать с нами, как с остальными, оставшимися сейчас в зале Государственного Совета, об условиях, на которых мы согласимся работать. Он намекнул в конце заседания на нужду в специалистах для функционирования Ковчеге, но мы не можем и думать об этом. Кто не согласен со мной, может встать и покинуть собрание.

– А я хочу оставить в нем свою собачку! – после некоторого всеобщего молчания возмущенно проговорил толстяк с полным красным лицом, сидевший прямо позади нашей тройки, держащейся вместе, и Поль, обернувшись, почувствовал густой пивной дух, исходивший от него.

– Это невозможно, только если она ваша ближайшая родственница? – тут же отреагировал Рэд.

И эта шутка сняла напряжение, исчезла скованность. В конце каждый получил листок с отпечатанным заданием на день и все разошлись, без обсуждения приняв предложение Рэда.

Поль вынул из кармана шуршащую бумажку и прочел еще раз: “Встретить сухогруз в порту с грузом медикаментов, организовать доставку в Ковчег, в залы 22-27, предназначенные для развертывания госпиталя.”

И вот Поль здесь. А в порту пусто. Никакого сухогруза у причала. Только длинный ряд долговязых портовых кранов застыл вдоль пирса, задрав в небо длинные мертвые клешни.

Напротив того места, где еще вчера высился белоснежный корпус туристического теплохода, на пирсе сидело несколько рыбаков. Обычная дневная жара только разбегалась, и в костюме пока было комфортно. Поль с наслаждением окинул взглядом зеленые в голубоватой дымке холмы, толпящиеся вокруг залива, с красными каплями крыш среди пышной тропической зелени, громады деревьев и картинные развалины каменного ограждения на вершине круто поднимающегося от берега холма, окружающего порт, поблескивающие на солнце волны, с легким журчанием огибающие опоры пирса. Впереди была вечность. Только она могла придать столько безмятежности и спокойствия ленивым движениям рыбаков.

«Все разговоры о конце света просто политический трюк. Мир бесконечен, и разве может разрушить всю эту безбрежность маленький человек?», – думал Поль, стремясь успокоить себя, убедить в нереальности пережитого в зале Совета.

–Вы, наверное, ко мне?

Удивительно знакомый голос. Поль вздрогнул и обернулся. Металлическая пластинка с надписью: «Безопасность» на мундире офицера. Тощая фигура, высокие каблуки, выпуклые светлые глаза.

–Меня прислали за медикаментами и оборудованием, – глухо ответил Поль, совсем не обрадовавшийся встрече.

–О! Да это вы, доктор? Рад видеть здоровым, – воскликнул Богомол не без подтекста. – Мы только идем встречать сухогруз и о медикаментах знаем только из сообщения его команды по радио. Вот когда вскроем трюмы... Сейчас приведу лоцмана, и пойдем. Прямо в море отсортируете необходимое, а на берегу нас уже будут ждать машины. А пока пройдите к катеру, – махнул он рукой в конец пирса.

Катер был большой, военный. На палубе беспорядочно, как бильярдные шары после разбивки пирамиды, расположились человек двадцать солдат, разморенных теплыми лучами обычного, повседневно, без каких-либо утренних оттенков, на которые намекал Рэд, солнца. Поль остановился рядом с катером, глядя в воду и не решаясь без Богомола подняться на палубу.

Вода, прозрачность которой можно было по-настоящему оценить, только наблюдая за резкими рывками медуз, четко видимыми на большой глубине, ласково гладила борт, уходящий под прозрачную приманчивую своей подразумеваемой прохладой воду и ясно различимый в ней до кия.

–Идите за мной! – Богомол быстро шел к трапу, старик в широких потертых штанах и морской фуражке семенил за ним. Как только Поль ступил на палубу, зажужжала лебедка, поднимающая трап, и катер, быстро набирая скорость, пошел к выходу из бухты.

–Радио! – перекрывая гул турбин, крикнул прибежавший на мостик, где находились капитан, Богомол с лоцманом и присоединившийся к ним Поль, матрос с повязкой на рукаве.

Показав знаками Полю, чтобы он следовал за ним, Богомол спустился в радиорубку.

– На рейде стоит отправленный ночью теплоход с туристами, слышишь меня! – захлебывался динамик, – задержали под предлогом таможенного досмотра. С баржи на него уже перегрузили дополнительные продукты! Идиоты из туристического агентства...! Говорят, выполняем обязательства. Триста пассажиров, сто пятьдесят экипаж, продовольствия на два месяца. Они что, решили их кормить так долго? Зачем тогда нужна была вся ночная кутерьма? Ты понимаешь...?

– Прекрасно понимаю, – озорно воскликнул Богомол, – все будет выполнено. Ну, док, – заговорщически понизил он голос, обернувшись к Полю, – сейчас мы с вами развлечемся. Следите пока за связью. Я буду на мостике.

Через минуту катер на полной скорости вылетел из бухты через узкий проход между двух скал, и сразу будто стало светлее. Безбрежная гладь просматривалась сквозь круг иллюминатора, синело чистое небо, теплые солнечные блики весело плясали на изумрудных волнах. Далеко на горизонте показалась точка. Она быстро росла, и вскоре айсберг туристического теплохода заполнил собою почти весь иллюминатор. На фоне его белоснежного борта болталась грязная головешка унылой баржи с желтеньким крошечным буксиром впереди. Дрожь прекратилась. Катер остановился.

– Всем пассажирам сойти на баржу, – загрохотал громкоговоритель на катере, перекрывая музыку, доносившуюся с верхней палубы.

– В чем дело? – запросили в мегафон с теплохода через некоторое время. У его борта, обращенного к катеру, выросла толпа.

– Судно должно быть досмотрено. Есть подозрение, что на теплоходе бомба. Всем пассажирам и экипажу сойти на баржу, – захлебывался динамик. – Вещи не брать! После досмотра вы возвратитесь в свои каюты.

На теплоходе засуетились. По сходням, опущенным на баржу, потянулись пассажиры.

– По какому праву вы приказываете? – прорвался голос с мостика теплохода. – Мы будем жаловаться консулу! Бомба лишь предлог для вашей...

Очередь из крупнокалиберного пулемета с носа катера прервала речь. Из окон кают шлюпочной палубы посыпались стекла. Пассажиров на сходнях стало больше. В конце концов, перед сходнями началась давка.

– Передают сигнал SOS, – указал радист рукою на теплоход.

Поль растерянно кивнул и вышел.

– Передают сигнал SOS? – сказал он, подходя к Богомолу, стоящему на мостике с микрофоном в руках. Солдаты на палубе, между тем, гоготали и улюлюкали, любуясь свалкой на сходнях. Все это было так мерзко и пошло, что Полю было мучительно неудобно находиться здесь, среди развязной солдатни.

– Прекратить передачи по радиации! – громкоговоритель здесь, на палубе, оглушал.

– Возьмите солдат, спустите шлюпку, заберитесь на палубу с противоположной стороны и очистите теплоход не только от пассажиров, но и от команды. Экипаж, который вернет теплоход в порт, я доставлю попозже, – говорил между тем, отвернувшись от микрофона, Богомол молоденькому сержанту. Поль хотел было спросить, для чего новый экипаж, но не осмелился.

Через некоторое время сержант с борта теплохода показал знаками, что все в порядке. Поток людей на трапе иссяк. Маленький портовый буксир отчаянно завертел винтом, оттаскивая переполненную баржу от борта теплохода. С баржи послышались недоуменные выкрики. Солдаты с катера, в свою очередь, кричали что-то веселое и двусмысленное девчонкам, стоящим у борта баржи.

– У нас очень мало времени, – озабоченно проговорил Богомол. – Там, – он кивнул в сторону горизонта, где точкой уже проявился ожидаемый ими сухогруз. – не должны ничего заподозрить. – он задумчиво посмотрел в сторону баржи, которую буксир, оттащив тем временем от

теплохода, бросил в океане, двинувшись в порт один. – Вы, наверное, не знаете, – доверительно склонился Богомол к Полю, – мы призываем корабли, которых катастрофа застала в океане, переждать неизвестность у нас.

– Зачем? Здесь тоже будет трудно.

– Нам нужны продукты, нефть, медикаменты, которые есть на их борту.

– Но экипажи тоже нуждаются...

Офицер нетерпеливо махнул рукой. Повинуясь его жесту, катер развернулся. Две его пушки, стоящие на корме, уставились точно в борт баржи с пассажирами, и вдруг, совершенно неожиданно, рывкнули. И еще раз.

Белый пар и разрывы почти скрыли баржу. Лишь было видно, что ее ближайший к катеру борт накренился и стал быстро погружаться. Все произошло стремительно. Солдаты застыли. Леденящие сердце крики донеслись со стороны баржи. Палуба ее вдруг резко наклонилась, будто желая через быстро редющий пар продемонстрировать убийцам их жертвы. Сметая друг друга, по наклонной металлической поверхности заскользили вниз тела. Вот короткая задержка у хлипкого поручня на краю палубы, и тут же напор перехлестнул преграду.

– Мама, мамочка, – перекрыл общий гул звонкий детский голос.

Уцепившись за поручень дальнего, поднимающегося все выше борта, смотрела вниз широко открытыми глазами девочка лет двенадцати, – ...я не хочу, не хочу...!

Громкий хлопок заглушил все. Баржа перевернулась, на миг показав дно, заляпанное грязными водорослями, и боком соскользнула в глубину.

У Поля зазвенело в ушах, тошнота подступила к горлу. Такое уже было с ним. В теплый осенний день сразу после поступления в медицинский колледж. Проходя с тыльной, заросшей кустарником стороны стену анатомического театра, старого одноэтажного здания с обвалившейся штукатуркой, он увидел сквозь выбитый четырехугольник стекла зарешеченного подвального оконца страшную картину. В большом деревянном чане лежали трупы. В тусклом желтом свете пыльной лампочки кожа их казалась задубевшей. Как бесстыдные резиновые куклы бывшие мужчины и женщины с растопыренными конечностями играли свою последнюю роль. Плотный зловонный формалиновый запах сочился сквозь дыру в грязном окне и разбавлялся ароматом роз, куст которых прикрывал отверстие. Он помнил, как отпрянул, как тоска холодным свинцом сдавила сердце, но адское зрелище, будто магнитом, притягивало его вновь и вновь. Он угадал сатанинский хохот в оскале желтеющих зубов между черных, иссушенных формалином губ. Хохот над эфемерной суетой за грязным окном, над розами, над всеми иллюзорными ценностями мира.

– “Это и МОЯ участь”, – отпечаталось в мозгу, и эта мысль, будто грязное, вымазанное отбросами стекло, заслонило и обесцветило мир, и на все наложило свой постылый отпечаток. С ним заговаривали знакомые девушки, но только оскал видел он вместо их улыбок, и выдубленную формалином шкуру вместо свежести прелестных щек.

Поль оглянулся. На лицах солдат застыли удивление, смущение, ужас. Все были недвижны. Лишившийся красок океан отражал мертвые лучи блестящего солнца.

– Зачем т-так...? – еле ворочая огромным языком в пересохшем горле выдавил Поль.

– Что? – глядя на воронку на месте ушедшей на дно баржи, рассеянно отозвался Богомол. – А-а, так кто же знал, что так выйдет?

– Пусть бы плыли, – бесцветным голосом продолжал Поль, судорожно сжимая какую-то часть пулемета, установленного на мостике. Он держался за раскаленный солнцем металл, чувствуя, что его не держат ватные ноги.

«Я не они... Я лучше их... Я должен осудить... должен сказать...» – проносилось в голове, но как тяготило его это “должен”. Происшедшее было ужасно, но что он мог сделать? И в то же время – как не отреагировать? Все его прошлое восставало, но восставало как-то не живо, по-книжному. Теоретически он представлял, что нужно возмутиться, закричать, бро-

ситься на помощь, но не чувствовал в себе сил противостоять происходящему, и стыдился своей слабости и робости.

– Пусть бы ониплыли себе, – только и повторил он вяло, и не вскрикнул, не бросился.

– Нам нужно продовольствие! – зло оборвал его Богомол. Солдаты, как заворуженные наблюдающие за удаляющимся пятном плавающего мусора среди которого виднелось несколько голов, оглянулись.

– Надо бы расстрелять пловцов, – тихим яростным шепотом продолжал Офицер, – да нет времени. Полный вперед! – заорал он в микрофон, – всем на борту надеть спасательные жилеты! Включаю турбины!

– Мы убили беззащитных, – вновь выдавил из себя Польш.

– Разве мы убили их? – взвился Богомол, отворачиваясь от микрофона, среди шума услышавший, тем не менее, робкий тихий протест. – Да они все равно были обречены иплыли умирать в свои разрушенные города! Я учился в университете на материке и прекрасно знаю, кем они были при жизни. Если произошла ядерная катастрофа, то во всем происшедшем изрядная доля их вины. Они наслаждались жизнью и бездумно выбирали политиков, которые всем готовили Голгофу. И вот по их вине, вине всех там живущих, мы потеряли все. Мы имели океан – он замерзнет. Мы имели остров – его засыплет снегом. Мы имели родителей, жен, детей – они погибнут. Они убили нас! И за все это мы лишь забрали то, что сами им и дали – хлеб.

– Но, быть может, эти люди сами не сделали зла, а в своих странах, наоборот, боролись за мир, – почти просительно проговорил Польш, который не мог не выговориться, который еще раз хотел услышать что-нибудь, что оправдывало бы его бездеятельность.

– Успокойтесь! Это были представители безумного общества. Его члены были лишены способности предвидеть, к чему ведет их легкомысленное существование. Возможно, ядерной войны не было, а просто упал метеорит. Но я не удивлюсь, если сообщение о том, что он вскоре упадет и уничтожит цивилизацию, прошло по телевидению, но не было воспринято, так как неоднократно прерывалось рекламой зубной пасты. Даже если и было понято, то не было оценено, и какая-нибудь домохозяйка выходила на рынок, не удосужившись посчитать, что времени для возвращения уже не будет. Но я не верю в небесное наказание. Произошла война! Их цивилизация разрушала наш общий мир, так как ставила право ИХ человека выше права остальных. Теперь же и мы обречены. Вот эти солдаты, – Богомол указал на неумело надевающих спасательные жилеты мальчишек в форме, – ничего и не подозревали, а ведь вот-вот, не будь нынешней катастрофы, вся нефть, в том числе и их доля тоже, была бы выкачана из земли. Были бы опустошены все рудники с металлом, вырезаны леса, весь мир завален отходами. Представители тех, которые там еще плавают, – кивнул он в сторону мусорного пятна, – создали непосильную нагрузку на природу. Отняли долю, предназначенную природой простейшим и растениям. Ведь те не могут постоять за себя! На нашей маленькой планете мы все были в одной банке с бульоном, а некоторые ели и бездумно портили его быстрее, чем этот бульон восстанавливался, обрекая остальных, и себя в том числе, на вымирание. Так что прекратите казнить себя! Я прекрасно понимаю ваши чувства. Те, кого мы топим – вот настоящие убийцы всех нас!

Тон, каким были высказаны эти слова, ясно указывал, что они шли от самого сердца, и как бальзам исцеляли больную совесть Поля.

– И запомни еще! – продолжал вошедший в раж просветительства Богомол, – все, что вредит выживанию человечества – есть зло! Ублажая себя во всем, эти ублюдки, даже самые воспитанные, любящие людей и природу, распрекрасные внешне, уже своим существованием и требовательностью к жизненным благам и комфорту разрушали наш общий мир? Взгляни же на меня теперь! Перед тобой волк! Волк, который душит чрезмерно расплодившихся травоядных, спасая от эрозии их пастбища, и тем самым сохраняющий их потомство! То, что мы убили их, есть добро! Вы можете видеть, – ткнул он длинным сухим длинным пальцем в

сторону редких голов на месте утонувшей баржи, – самое прекрасное, что только мы могли сделать для будущего человечества! Добро в чистом виде! Квинтэссенция добра!

"Он уже повторяется", – машинально отметил про себя Поль.

Катер между тем летел вперед, в седую пыль разбивая черные тягучие волны. Тревога билась в дрожи палубы, в резких криках встревоженных чаек.

– Лоцман отказывается подниматься на сухогруз и провожать его в порт. Он не желает быть участником убийств, – злорадно проговорил подошедший капитан.

– Вы все хотите остаться чистенькими? – зловеще прошипел, повернувшись к нему, Богомол. – А вот прикажу вам самому удавить лоцмана в каюте и пристрелю, если откажетесь. Ну да ладно! Вам, Док, придется исполнить роль лоцмана. Никаких знаний не потребуется. Чисто формально, чтобы усыпить бдительность экипажа сухогруза. Возьмите у него в каюте лоцманскую фуражку.

Поль облегченно вздохнул. Все было решено без него. Разжав руку и заметив, что ладонь выпачкана ружейной смазкой, он ругнулся, что случилось с ним крайне редко, и пошел с палубы, держа растопыренные пальцы подальше от костюма.

КОВЧЕГ.

Сделай себе Ковчег из дерева гофер;

Отделения сделай в Ковчеге...

/ Бытие, 6:19; 7:4/

Невеселые думы одолевали Гэмфри, когда он подъезжал по северному шоссе к давно известным ему подземным выработкам. "Если разговоры о конце цивилизации просто отвлекающий маневр, – думал он, – то для чего тысячам людей симулировать заинтересованность в подготовке мифического Ковчега? Если же это правда...". Гэмфри тяжело вздохнул и свернул на проселочную дорогу, идущую влево от шоссе, к холмам, тянувшимся вдоль залива.

«Нет, невозможно! Если все погибло, то очень скоро погибнет и остров. Вот эти зеленые холмы, цветы, деревья. И я!?»

– Чепуха! – выкрикнул он последнее слово, и будто не он произнес его, а кто-то другой, которому можно было доверять безоговорочно. Сразу стало легко и привычно, и деревья и зелень вокруг немедленно приобрели цвет. Он обрадовался такому простому и очевидному выводу. Конечно, его и всех остальных хотят надуть. И что же – он должен поверить в этот бред о погибшей цивилизации только ради того, чтобы Президент обвел своих противников вокруг пальца? Пусть обрабатывает других. Да, он пожилой человек, но не дурак!

Гэмфри с размаху ударил ладонью по баранке и улыбнулся облегченно. Нет! Жизнь не кончилась еще. Наоборот, может быть, сейчас только начинается самый интересный ее период.

И все же какая-то тревога отравляла восприятие зеленых холмов, синей дали залива, открывшегося с дороги.

Внезапно перед машиной возник пост. Бетонные блоки закрывали небольшую будку, стоявшую рядом с пестрым шлагбаумом. В дыру между блоков на дорогу пялились два пулеметных ствола. В прошлый его приезд сюда поста не было. Солдат, стоявший у входа в будку, даже не посмотрел в сторону машины. Гэмфри уже миновал шлагбаум, но остановился метрах в десяти и вернулся на пост.

– А почему меня не проверили? – ласково спросил он у зевающего солдата?

– Мы не проверяем никого, кто въезжает, – ответил тот, вытянувшись при виде металлической пластинки. – Вот выехать отсюда без разрешения дежурного нельзя.

Метров за двести до пещеры, названной ныне Ковчегом, вход в которую представлял собою дыру около пяти метров шириной и примерно такой же высоты в отвесной стене, Гэмфри

пришлось бросить машину на обочине перед пробкой из грузовиков и дальше пойти пешком. Он был около этого места всего недели две назад, и тогда здесь была пустынный проселок, по которому жители местных деревень изредка вывозили камень для хозяйственных построек. Город же давно строился из вошедшей в моду древесины.

Теперь дорога была забита грузовиками с лесом, цементом, металлом. Солдаты у входа безостановочно их разгружали и отправляли содержимое внутрь горы по уже установленным транспортерам. Недалеко от входа сооружались леса для постройки громадного склада для вещей и оборудования, которые не помещались внутри горы. По мере приближения Гэмфри ко входу слитный шум стройки распался на отдельные звуки. Из него выделялся уже стук топора с верхнего яруса лесов, доносившийся через несколько мгновений после того, как блестящее на солнце лезвие касалось доски. Звук электропилы, вначале визгливый и тонкий, по мере погружения в дерево становящийся глухим и невнятным. Натужный лязг автокрана и дробный стук молотков разнообразили звуковую гамму.

Звук клаксонов вдруг перебил остальные звуки.

Прямо по целине, минуя стоящих в очереди на разгрузку грузовики, быстро приближались несколько черных внедорожников. Они обогнали Гэмфри, плетущегося по обочине, и выскочили на дорогу в просвет между грузовиками метрах в тридцати от него. Остановились, перекрыв дорогу. Из передней машины выскочил молодой, стройный мужчина в ослепительно белом костюме и белых туфлях, которые тут же стали серыми, как только он ступил на измельчанную колесами большегрузных автомобилей проезжую часть. Гэмфри узнал в нем одного из местных олигархов, разбогатевшего, как ему говорили, на спекуляциях землей. Из остальных машин вышли человек десять здоровяков в черной форме, в черных масках, с автоматами в мускулистых руках.

–Я запрещаю любую деятельность на принадлежащей мне территории! Это частная собственность! – громко крикнул белый костюм подняв обе руки над головой и повернувшись во все стороны. Среди сизого смрада, пыли, темной техники и черных охранников он был как чистенькое беленькое яйцо на угольной куче.

–Но нам нужно срочно подвести груз, – возразил водитель ближайшего грузовика. – Нам оплачивают каждый рейс отдельно.

–Без моего разрешения...

–Что здесь происходит? – Пожилой низенький офицер без фуражки, привычно перебрасывая длинную прядь волос слева направо стыдливо закрывая проблескивающую плешь, будто выпрыгнул из-под земли. –Я выкупил этот участок с дорогой и карьером. А на прошлой неделе уже получил свидетельство.

–Вы, верно, пронюхали о строительстве мола и решили подзаработать на поставках камня?

–А это уже никого не касается, – огрызнулся белый костюм. – Главное, я не даю права находиться на моей территории. Или вы не поддерживаете священный институт частной собственности?

–Мы не знали, что участок продан. Сколько вы хотите за него? – миролюбиво произнес офицер. Подошедший Гэмфри увидел табличку "Безопасность" на его груди.

–Я не думаю продавать!

–Я не спрашиваю, думаете ли продавать. Я интересуюсь ценой. Чем беднее человек душой, тем выше его потребность в деньгах. Потому-то я уверен, что вы продадите участок. Все зависит от цены.

–Ну хорошо. И кто же мне оплатит? Уж не вы ли? – презрительно плюнул себе под ноги белый костюм, окинув взглядом собеседника от ненадежно прикрытой плечи до стоптанных, седых от пыли военных ботинок.

–Назовите цену, и завтра деньги будут у вас.

–Даже если я назову её, то пока денег не будет на счету, говорить будет не о чем.

–У нас не ни часа времени. Речь идет о спасении тысяч людей.

–Это обычные увёртки нечистых на руку. Мне нет дела до каких-то тысяч. Будут деньги, будет и разговор, – отворачиваясь от офицера и всем видом показывая презрение, ответил белый костюм. Охранники обступили его как пчелы выцветшую матку.

–Видите, – задумчиво проговорил офицер, обращаясь к Гэмфри, так как слушателей больше не было, – человек, подчиненный своим отчужденным потребностям, если верить молодому Марксу, уже не человек ни в духовном, ни в телесном смысле. Это человек-товар. Весь смысл его жизни потребление и обладание. Это самое вредное животное на земле, физически и духовно обезчеловеченное. Он готов проглотить земной шар.

Ближайший грузовик взревел, имитируя наезд на перекрывший дорогу внедорожник, выпустив зловонное сизое облако. Двое автоматчиков подбежали, наставили оружие на водителя, который кивнул в ответ и выключил двигатель.

Белый костюм, между тем, разослал охрану в разные стороны. И в течение нескольких минут стал утихать шум стройки склада, выключались двигатели машин.

–Эта дорога, – продолжал между тем речь офицер, обращаясь к Гэмфри, но, скорее всего уговаривая себя, на что-то решаясь, – и эта дыра в горе сотни лет были общими. Каждый проходящий мог считать их своими. Но у стоящего перед нами индивида неестественные, надуманные вожелания. А ведь каждая вещь – ловушка! Все духовные чувства сводятся лишь до чувства обладания, и умирают естественные чувства. Вот и сейчас я стою перед тенью бывшего человека. Он раб вещей. Он отказался от Бога. Это не дорога к горе. Это не вход в пещеру. Нет! Все это лампа Алладина, а он её раб.

Офицер тронул за рукав белый костюм, который уже стоял один, глядя, как его черные янычары выполняют поручения.

–Что надо? – грубо отдернул руку тот.

–Вам эта дорога нужна чтобы не умереть с голоду?

–У меня достаточно денег чтобы купить вас и вашу шайку, – ответил тот, кивнув в сторону остановивших выгрузку солдат у входа.

–Но тогда для чего вы хотите иметь их больше?

–Чтобы иметь еще больше возможностей. Чтобы можно было купить вас уже вместе с вашими генералами.

–Видите, какой это бедный, бедный человек! – воскликнул офицер. – К сожалению, ни исправить его, ни договориться с ним невозможно.

Офицер не торопясь вынул пистолет из потертой кобуры, передернул затвор, поднес ко лбу опешившего бедного человека и выстрелил. Затем дунул в ствол и не торопясь запихнул пистолет назад.

Мертвая тишина, как показалось Гэмфри, наступила.

–Вы опоздали, – спокойно сказал офицер двум передергивающим затворы черным охранникам, подбежавшим к белой кучке у его ног. – Вам больше некого охранять. И семье его вы не нужны. Сегодня же наши люди её уничтожат. Таким образом собственников земли не осталось. Но я не брошу вас. Предлагаю зарплату в десять раз выше, нежели платила вам эта белая ворона. Уберите машины с дороги, оставьте оружие в машинах, соберите остальных и идите ко входу к солдатам. Все равно обратно ваши машины через пост не пропустят.

–А если мы не хотим вашей работы? – спросил один из охранников.

–Тогда мы вас расстреляем, – вздохнув и обреченно разведя руками проговорил офицер.

Немного поразмыслив и не задав больше ни одного вопроса охранники побрели к машине.

Гэмфри робко кашлянул: – Но ведь я такой же, как тот, которого вы...

–Почему вы так считаете? – удивленно посмотрел на него офицер, повернувшийся от охранников.

–Мне тоже навязаны обществом отчужденные потребности. Весь мой домик полон вещей, которые излишни, и не нужны для естественных потребностей. Некоторые из них даже сделаны мной. И я люблю ими. А теперь понимаю, что это удовольствие искусственное, навязанное, извращенное...

–Не думаю, что эстетическое чувство есть извращение. Успокойтесь! Если вы думаете, что я хочу перестрелять всех пассивных потребителей с не естественными потребностями, то должен начать с собственной жены. А потом застрелиться сам.

–А вы то почему?

–Потому что армия есть средство достижения определенной цели, так же как рабочий, стоящий у конвейера, есть средство получения прибыли. И в том, и в другом случае отчужденный труд. Мы лишаемся своего духовного "Я" и даже собственного тела. Подлинно моральные ценности – добродетель, чистую совесть, – мы теряем. Ныне все человечество попало в плен самими ими созданных вещей и политических институтов, а некоторые вещи, к примеру ядерное оружие, его же уничтожило.

Офицер помолчал, глядя на то, как увеличивается шум стройки, запускаются двигатели машин.

–Может быть в конце нашей жизни мы один раз послужим добродетели. Все силы отдадим спасению детей.

Прямо у входа, куда вскоре подошел Гэмфри, стояла трансформаторная будка, от которой в зияющую пасть горы тянулись электрические кабели, висящие на крючьях вдоль стен пещеры. В заливе, напротив Ковчега, хорошо видные во всех деталях с высоты, стояло несколько осевших по ватерлинию танкеров, цепями пришвартованных к берегу. Поодаль, как пустая пачка из-под сигарет, колыхался так и не отправившийся по маршруту теплоход, о котором упоминал Ирвин. У самой кромки воды тархтел мощный дизель, питавший трансформаторную будку.

Лучи утреннего солнца, закрытые холмами, еще не дотянулись до площадки перед входом, но было уже жарко, и приманчиво внизу под обрывом плескалась голубая прохлада. Миновав настороженных солдат у входа, Гэмфри поспешил юркнуть в подземную нору.

–Дорогой Строитель!– приветствовал его Архитектор(согласно надписи на табличке), стоящий у одного из ответвлений от главного входа,– а мы вас ждем. Решили, что никто больше не справится с ролью гида. Залы отделяются однотипно, но кое-что индивидуальное необходимо в зависимости от будущего использования. Ведь вы лучше других знаете эти катакомбы, знаете, что и куда можно поместить. Мы ориентируемся здесь именно по вашим схемам.

Гэмфри и Архитектор знали друг друга давно, но теперь приходилось отказаться от привычных имен и перейти, под внимательным взглядом офицеров безопасности, на сленг дворовой шайки, читая прозвища на нагрудных табличках.

Прошли по проходу, вдоль гирлянды подвешенных на временных крюках осветительных ламп. Холодный воздух гнал по коридору запах сырой земли. В некоторых местах уже стояли леса, солдаты крепили арматуру для укрепления потолков.

Внезапно что-то щелкнуло, и мягкий женский голос произнес: “Внимание, прослушайте распоряжение Руководителя работ.”

–Что это?– оторопел Гэмфри.

–Репродукторы. – Архитектор поднял палец вверх и указал на черные ящички под потолком коридора.

“...поэтому никто из находящихся в так называемом Ковчеге не имеет права покинуть его до окончания работ,– неслось между тем из репродукторов. – Нарушение требования будет расцениваться как саботаж, и наказываться по законам военного времени. Все граждан-

ские специалисты считаются мобилизованными, военнослужащие переводятся на казарменное положение. Расценки на работы с сегодняшнего дня повышены указом Президента в десять раз, расчет произойдет сразу после сдачи объекта в эксплуатацию. Нашей задачей является как можно более быстрая подготовка Ковчега к приему всех жителей острова на время выпадения радиоактивных осадков (-Это легенда для непосвященных, – тихо прокомментировал в этом месте Архитектор). От вас зависит, сможем ли мы спасти своих детей, жен, родителей. От вас требуется быстрая и качественная работа. Теперь прослушайте распоряжения коменданта по организации питания подразделений. . .”

–А вот и мы!– воскликнул Архитектор, толкнув дверь из коридора в полумрак очередного ответвления.

Глухое кваканье репродуктора осталось за дверью. Человек двадцать, собравшиеся возле стола, стоящего посреди просторной пещеры с черными, покрытыми копотью потолком и стенами, обернулись к Гэмфри и его спутнику. Спертый воздух, сырая земляная вонь.

–Никаких приветствий и знакомств,– предупредительно поднял руку высокий и полный полковник с табличкой “Руководитель” на груди,– не теряя времени – к делу!

Он строго осмотрел собравшихся и не помышлявших перечить.

– Разрешаю говорить открыто, так как здесь только посвященные. Вы, – суровым голосом обращаясь к Гэмфри, продолжал Руководитель,– должны распределить имеющиеся искусственные и естественные залы и помещения по их назначению. Вот план подземелья,– он указал на кучу бумаг, лежащих на столе.

Гэмфри прекрасно знал свой собственный план. В течение последних месяцев он изучал возможность продолжения добычи камня для постройки мола, от которого, естественно, теперь пришлось отказаться, и ему не раз приходилось с местным знатоком катакомб уходить далеко вглубь горы.

– Нам, биологам, нужен весь Ковчег, – сразу начал молодой специалист с красивой черной аккуратно подстриженной бородкой. В его очках отражалась единственная электрическая лампочка, подвешенная на проводе за крюк, вбитый в стену, и Гэмфри не мог разглядеть его глаз. – Для сохранения жизни животных и растений требуются создание самых разных условий. Это невозможно выполнить в одном зале.

– Естественно, для постельного клопа нужна как минимум постель, – ехидно заметил грузный нескладный человек с рыжим ежиком на голове и рыхлым красным лицом. Гэмфри узнал Энергетика, почувствовал и постоянно сопровождающий того густой пивной дух, которым теперь пропитывалось все помещение.

–Разнообразие живого велико, около 10 миллионов видов,– мрачно повторил Биолог, совершенно не принимая шуточного тона. – Понимаете! 10 миллионов! Только перечень их, напечатанный на машинке, занял бы всю эту комнату. Вся Земля была им Ковчегом, а наш, в отличие от библейского, не вместит и тысячной доли.

В его голосе слышалась такая горечь, что все замолчали.

– Вам, дорогой Энергетик, лучше подумать над надежной системой энергообеспечения, а не думать о клопах, – кивнув на временами тускнеющую лампочку, добавил один из присутствующих.

– Не беспокойтесь, – вмешался в разговор офицер безопасности, принявший замечание и на свой счет, – у нас подготовлены уже несколько танкеров с нефтепродуктами, да еще два на подходе. На двадцать лет жизни в Ковчеге хватит с лихвой. Уже завтра начнем повышать температуру воздуха, а то рабочие заболевают от холодных сквозняков.

– Нам нужен холодильник, где в жидком азоте будут храниться споры растений, сперма животных и человека, продукты питания. Нужно помещение для криогенной установки. – Слова эти произнес второй бородач, точь-в-точь похожий на Биолога. Даже очки у них были одинаковы, отметил Гэмфри.

– Нужно разместить скот, который будет хотя бы первое время, пока достанет сена, обеспечивать обитателей мясом и молоком, – вмешался третий специалист.

– Думаю, что скот можно будет держать вне подземелий, просто под крышей построенного рядом здания, – ответил Гэмфри.

– А где выращивать траву для коров?

– А нам нужен тот зал внизу, который сообщается с океаном и имеет внутреннее озеро. Там можно будет разводить рыбу, а также ловить океаническую.

Часа через два, когда Гэмфри, развалившись в старинном кресле, очевидно вывезенном из какого-то музея, отмечал крестиками на схеме Ковчега залы, в которых необходимо было первым делом укрепить потолки, к нему подошел человек в форме капитана. «Химик» было написано на его пластинке.

– Вы не можете мне рассчитать концентрацию аэрозолей в воздухе?

– Молодой человек! – сняв очки и обратив на него сощуренные подслеповатые глаза, произнес Гэмфри с достоинством, – я могу рассчитать все. Давайте условия задачи.

– Нужно распылить в воздухе жидкость, которая кипит при температуре свыше трехсот градусов, и при этом достичь определенной концентрации.

– С помощью какого прибора?

– Авиационного реактивного двигателя.

– Но его нельзя использовать в помещении!

– Мы должны распылить аэрозоль наружи, на воздухе.

– В таком случае задача усложняется. Необходимо знать летучесть вещества, географию местности, температуру воздуха, примерную скорость ветра и его направление...

– Это будет в русле пересохшей реки. Со всех сторон его окружают холмы. Вот фотография этого места.

– А для чего это нужно?

– Мы обработаем животных от паразитов. Если нужно, я могу показать это место. Из Ковчега туда есть проход.

– Мне достаточно схемы, – устало проговорил Гэмфри.

Первый рабочий день в Ковчеге начался.

ВСТРЕЧА В КАФЕ.

“Смотри, диск солнечный задернут
мраком крепа.”

/ Ш. Бодлер/

Мрачная ночь переворота без следа растворилась в свете дня. Отгрохотала похоронная медь оркестра, и все было забыто. Только возле Дворца еще лениво бродили солдаты.

Залитый солнцем город привычно бурлил среди благоухающих цветов под бирюзовым небом. Протянувшиеся почти от ворот порта по обеим сторонам улицы лавочки кишели людьми. Горожане готовились к близкому празднику, к ежегодному карнавалу в честь дня Освобождения.

Сюда, в гущу толпы, из порта, прямо с катера, после отдачи распоряжений о выгрузке оборудования прибывшему из Ковчега с кучей солдат и грузовиками молоденькому врачу, бросился Поль. Он был рядом со всеми. И был чужим. Тайна глухой стеной отделила его от окружающих. Все пережитое за последние часы отравило восприятие. Его не радовали буйные тропические краски, не воспламеняли стройные островитянки, оставляли равнодушным изумительные запахи. Ибо он видел дальше всех. Пустынный океан и далекие замерзающие

страны за тонкой накипью оживленных ларьков на берегу. Жуткое безмолвие кают за расцветченными бортами и палубами белоснежных лайнеров, качающихся на лазурной глади залива.

В то же время Полю невыносимо было быть одному. Он ничего не сделал ради спасения людей. И как ему теперь жить? Толпа снимала с него часть вины, ибо это и для её блага он участвовал в убийствах. Только что произошло страшное, аллюди беспечны и веселы. Значит, ничего особенного не произошло! Убийства были необходимы, он не мог остановить их, и ни к чему угрызения совести. Он только исполнял роль, которую обязан был исполнить на его месте любой другой.

Солнце было в зените. Время обеда. Теплый летний ветерок колыхал листья пальм. Обычный день с традиционными заботами.

Через некоторое время Поль уже снисходительно поглядывал на глупую суету вокруг. Он знал больше, чем остальные, и горделивое сознание тайны возвышало его над толпой. Все эти красивые лица вокруг лишь раскрашенные маски. Мгновение – и они пыль!

«Но та же участь и мне!» обдала холодом тоскливая мысль.

Он оглянулся вокруг уже с вновь испорченным настроением. И обостренные чувства стали отмечать неуловимые для неискушенного глаза перемены. Еле уловимый сбой произошел в природе. Чем пытливей он всматривался в окружающее, тем больший ужас испытывал.

Беда была близко, но только ему были понятны ее чуть заметные знаки. Он различал еле заметный коричневый круг возле светила, но что до этого было проходимым? Видел полоску тумана там, где океан сливался с небом. Чувствовал тончайшую кисею, сквозь которую проходили еще жаркие лучи. И на этом фоне кошунственным казался беспечный визг детворы на качелях, непристойными и тягостными игривые взгляды девушек, неуместным теплым, плотный от запахов моря, горячей пыли и испарений зелени ветерок. Потому что все вокруг кружилось, веселилось и благоухало, в то время как, припав к земле, уже можно было различить стон бывших существ, мучимых непривычным усилением, жалобными голосами возвещающих беду, предупреждающих этот праздник, тщетно пытающихся вмещаться в шумную какофонию готовящегося карнавала.

–Поль!– Возглас как гром среди ясного неба. Его никто не мог знать, не должен был знать, ибо невыносимо быть узанным в такую минуту.

–Ну конечно это ты!– радостным голосом, волоча за руку бледную черноглазую девочку лет семи, приближался, лавируя между прохожими, товарищ первых его дней пребывания на острове, худенький как подросток переводчик и гид Пак.

–О, да передо мной член очередной хунты!– тронул Пак пластинку на груди Поля. – Может, зайдём в ресторанчик, отметим? Чем занимаешься? Как здоровье? Ты такой бледный.

Пак, как всегда, тараторил без умолку, но Поль знал, что того совершенно не интересуют ответы.

–В-все хорошо,– вставил, наконец, он невпопад, чувствуя, как сам собою растягивается в улыбке рот. Рядом с непоседливым шалопаем на веселой и красочной улице пережитое вновь отодвинулось и затаилось в укромном уголке души.

–А я теперь не работаю. На всем острове ни одного туриста. Агентство закрыто. Как ты думаешь, надолго? Что вообще творится? Утром везде солдаты. По радио одни распоряжения. Говорят, на материке все погибли,– зашептал он, наклонившись к Полю,– ты не знаешь? Что там было? Война? А я вот гуляю с сестрой, вечером ведь не выйдешь, вплоть до праздника освобождения объявлен комендантский час. Посмотри, какая девчонка,– чуть не задохнулся он от восторга, указывая Полю глазами в толпу,– хочешь, сейчас оглянется. Ты же врач, отгадай, почему они все обязательно оглядываются, если сразу не рассмотрят тебя хорошо?

–Я тороплюсь,– смущенно остановил его Поль.

–Пойдем к нам, поговорим и пообедаем,– загорелся Пак,– знаешь, какая у меня добрая мама! Ты увидишь. Она очень любит угощать.

–А вы знаете, до каких пор заяц убегает от охотника в лес?– вдруг прервал их разговор звонкий голос девочки.

Она давно уже порывалась что-то сказать. Черные бусинки её глаз озорно поблескивали.

–Как ты ведешь себя?– трагическим голосом проговорил Пак, стараясь подавить улыбку.

–Н-не знаю,– опешил Польш.

–До середины!– восторженно вскричал маленький бесенок и, не выдержав, выпалила, не дожидаясь необходимого вопроса, – ведь от середины он будет выбегать из леса!

–Она задает эту задачку сегодня уже пятому,– прервал триумф сестренки Пак, которая тут же отвернулась и демонстративно надулась.

–Взгляни, вон там, у консервного завода наш старый деревянный домик. Ты как-то подвозил меня. Там еще зеленая калитка, – продолжал настаивать Пак.

–Я зайду. На днях.

–Нет, я не могу отпустить тебя просто так. Столько времени не виделись. К тому же все равно делать нечего. Хорошо, что пока есть деньжата. Зайдем сюда, кофе пахнет одуряющее! – он потянул Поля за рукав к столикам под навесом.

–Давай зайдем внутрь, – попросил Польш, не желающий пить кофе на глазах зевак, беспардонно разглядывающих металлическую пластинку на его груди.

Они окунулись в приятную кондиционную прохладу.

–Пак, иди к нам! – тоном, не терпящим возражения, произнес один из трех молодых людей, сидящих за столиком, стоящим в самом углу кафе.

–А мы зашли выпить кофе! – радостно объяснил Пак, за рукав подтаскивая к троице Поля и ведя девочку другой рукой.

–Закажи и нам еще по чашечке. А твоему другу еще и аперитива, – тем же тоном добавил длинный худой с небольшими усиками и острой бородкой молодой человек в облезлой черной кожаной куртке. Он кого-то напоминал Полю, но кого, вспомнить не удавалось.

–Я заплачу, – шепнул Польш Паку.

–Ну, на кофе-то у меня еще найдется, – тряхнул тот головой, подвинул три стула к столу с компанией, отчего прежним пришлось потесниться, усадил на стул сестренку, совсем притихшую среди взрослых, и отошел к стойке.

–Мы друзья Пака, коммунисты, – представился человек с бородкой, и это упоминание о коммунистах позволило сразу вспомнить, на кого он похож. Чистый высокий лоб, ясные глаза, острая бородка. Конечно, вылитый Дзержинский. Видный коммунист. Как их еще звали – Большевик! Польш видел его портрет в одной из популярных книжек, когда сразу после школе увлекся было коммунизмом.

–Очень рад, – растерянно ответил Польш.

–Вы, я вижу, работаете врачом у пришедшей к власти хунты, – то ли утверждая, то ли спрашивая, сказал Большевик, разглядывая металлическую бляху на груди Поля.

–Нет сомнения, он многое знает о происходящем, – подал голос сосед Большевика, короткий, очень полный, с круглым лицом. – Да вы не бойтесь, от нас никакие сведения никуда не уйдут! – успокаивающе проговорил он, проводя рукою по лысине, похожей на тонзуру.

–Я пока ничего и не рассказал,– невольно улыбнулся Польш.

–Мы о многом можем догадаться сами, – вставил Большевик. – Ясно, что вы не можете говорить с посторонними о принятых хунтой решениях. Мы учтем ваши интересы. Вы можете лишь поморщиться, в случае, если я окажусь неправ. В результате вы ничего не скажете, а мы подтвердим свои догадки. Идет?

–Что ты пристал к человеку,– воскликнул вернувшийся между тем с небольшим подносом Пак.

–Речь идет о судьбе человечества и о самом смысле и направлении нашей борьбы, так что пусть твой товарищ и потерпит немного.

–Борьбы с чем? – не понял сразу Поль, залпом выпивая противный аперитив. Уж очень давно не читал он коммунистической литературы.

–Не с чем, а с кем, – поправил его Большевик. – Мы боремся за освобождение рабочего класса от угнетения капиталистами. И должны соблюдать интересы рабочего класса при любом повороте событий на острове.

–Никакого секрета не выдам, если скажу, что на совещании об этой борьбе не было сказано ни слова.

–Естественно! Хунта не затем пришла к власти, чтобы думать о социальной справедливости. Следовательно, мы должны разгадать ее замыслы, чтобы использовать их в своих целях, на пользу народа! Думаю, вы не против?

Поль не был против социальной справедливости. Он мотнул головой.

–Ну и прекрасно! Пейте кофе, пока не остыл. А я буду рассуждать.

Большевик думал некоторое время, вертя чашку с кофе в руках. Рядом ерзала на стуле сестренка Пака. Толстяк внимательно поглядывал на всех маленькими масляными глазками. Пак со скучным видом глядел в окно на жаркую пестроту улицы. Третий коммунист, как и Большевик завернутый, несмотря на жару, в черную кожаную куртку, но куртку новенькую, нарядную, с множеством металлических заклепок, пряжек, какие обычно бывают у молодых мотоциклистов, повернул к Полю тонкое аристократичное лицо, но смотрел холодно, оценивающе.

–Это наш Комиссар, – заметив взгляд Поля в сторону кожанки, представил последнего Большевик. Комиссар сухо наклонил голову.

–Итак, продолжим! Единственным действием совершенно неожиданно пришедшей к власти хунты является строительство убежища якобы для пребывания в нем населения острова в течение двух-пяти дней на случай выпадения радиоактивных осадков. По крайней мере, так было объявлено по радио. Причем на работы брошена вся армия. Десятки грузовиков практически с момента переворота вывозят строительные материалы в сторону холмов, собирают книги из библиотек, технику, продовольствие. Впечатление такое, что строится помещение на века, а не для временного пребывания. И ради строительства бомбоубежища не стоило совершать переворот. Не так ли?

Поль пожал плечами.

–Вот и отлично! – Большевик довольно потер руки. – Будем считать, что вы подтвердили мои выводы. Но для чего же, в таком случае, строится подобный объект? Если бы оно действительно предназначалось жителям, то власти постарались бы убедить всех принять участие в спасение собственных жизней. Однако нет же! Все делается в каком-то секрете. Значит, нам грозит что-то более опасное, и хунта строит убежище для избранных.

Большевик внимательно посмотрел на Поля. Тот вновь пожал плечами.

–Кто же эти избранные? – задумчиво произнес Большевик.

–Скорее всего, члены хунты, – не задумываясь, ответил Комиссар. – Я не могу поверить, что военные будут захватывать власть лишь для того, чтобы облагодетельствовать других. С детских лет в среде капиталистов не наблюдал...

–Вы можете быть предвзяты, – остановил его толстяк.

–А я думаю, он прав! – Большевик по-прежнему в упор смотрел на Поля, который не знал, как реагировать. Ему вообще не нравился допрос, и только из-за Пака он сидел и выслушивал эти рассуждения. Зачем ему проблемы с хунтой? А если кто-нибудь подслушает их здесь? А если все это вообще подстроено, чтобы испытать его?

–Убежище предназначено для сохранения детей! – стремясь оправдать свое участие в делах хунты, представить в благородном свете деятельность военных воскликнул Поль.

Некоторое время все молчали, пораженные неожиданной новостью.

–А что же будет с остальными? – обиженным тоном проговорил, наконец, толстяк.

– Если все делается для спасения детей, то все остальные, и мы в том числе, должны погибнуть, – спокойным голосом заключил Большевик

– Эти вояки будут спасать детей богатеев, – первым опомнился Комиссар. Ни тени мысли о собственной судьбе не услышал Поль в его голосе.

– Что же делать? – спросил толстяк.

– Мы должны произвести отбор детей пролетариев и оставить их в убежище вместо отобранных хунтой! – убежденно выпалил Комиссар.

– Это мысль! – поддержал его Большевик. – Нужно подобрать детей из северных районов, чтобы до поры сохранять наши действия в тайне.

– Только нужно отбирать детей в точном соотношении с процентным соотношении национальностей на острове, – заметил толстяк. – Мы относимся к национальности пролетариев равнодушно, но нельзя забывать о чувствах обывателей.

– Я думаю, попы тоже захотят протащить в Ковчег своих представителей, – заговорил Комиссар, – потому нам нужно предупредить их желание отравлять сознание будущего человечества поповскими бреднями. Необходимо подготовить партийную литературу и оставить среди воспитателей одного из наших агитаторов, чтобы идеалы свободы трудящихся, борющихся против несправедливости, за равенство и братство людей, были залогом будущей счастливой жизни.

«Неужели вот такими же официальными фразами они думают и про себя? Или только когда собираются больше трех», думал Поль, допивая кофе и не чувствуя его вкуса.

– Ты как, поддерживаешь наши взгляды? – тихо, обернувшись к нему, спросил Пак.

– В любых взглядах есть доля истины, – уклончиво ответил Поль.

– Кто не с нами, тот против нас, – жестко проговорил толстяк.

– Значит, даже небольшое несогласие превращает человека во врага? – удивился Поль. Очевидно, аперитив подействовал, Полю стало легко и приятно. Он совершенно не чувствовал обычной для него скованности в чужой компании.

За столом воцарилась тишина.

– Вы не так поняли, – примирительно произнес Большевик. – Враг только тот, кто отклоняется от генеральной линии.

– Значит, где-то есть книга, в которой огненными буквами выгравирована генеральная линия, с которой необходимо сверять любую мысль?

– Нам не до философских рассуждений, – заговорил толстяк. – Будете ли вы помогать нам, если только офицеры захотят использовать Ковчег для себя?

– Я не слышал о подобных планах, – уклончиво ответил Поль.

– А на каком языке будут общаться эти дети подземелья?

Все уставились на Поля.

– Каждый ребенок будет говорить на языке матери, ведь это естественно. И чем больше языков останется жить, тем большее разнообразие культур, необходимых для нормального развития общества, сохранится.

– Наверное, как и разнообразие полов, – вставил Большевик с улыбкой. – Думаю, вы и дальше будете сообщать нам новости из Ковчега, – нагло добавил он.

Поль резко поднялся: – Боюсь оказаться неучтивым, но сейчас я тороплюсь!

– И на том спасибо, – сказал Большевик с неудовольствием, – а ты возвращайся, – обратился он к Паку, ринувшемуся было провожать, – мы еще поговорим о предстоящем празднике.

– Ты не думай, они неплохие ребята, – говорил Пак уже на улице. Он остановился прямо у входной двери, порываясь вернуться назад, к оставленному ребенку. – В их рассуждениях присутствует некоторая надрывность и аскетизм, но они искренне верят в возможность помочь человечеству. А ты здорово возражал. Я что-то не замечал у тебя бойцовских качеств.

– Наверное, аперитив был очень крепким, – отшутился Поль.

Досадуя на Пака, из-за которого был втянут в опасный разговор, оставшийся в конце концов голодным Поль не торопясь прошел вдоль призывных ларьков, протянувшихся вдоль променада, направляясь к ресторану, в котором обычно обедал. В одном месте он остановился. Высохший старичок с жалкими остатками седых волос и пейсами, торчащих из под старой черной шляпы, сидел среди птичьего гомона под пестрым пологом. Раньше, вспомнил Поль, возле него постоянно толпились туристы, рассматривающие разнокалиберных пташек, теперь же он понуро глядел по сторонам, стараясь перехватить равнодушные к его товару взгляды островитян.

– У нас есть все необходимые карантинные сертификаты для вывоза птиц с острова! – выбежал старик из-за прилавка навстречу медленно бредущему Полю.

– Нет, нет! Я никуда не уезжаю! Я местный, – поспешил его разочаровать Поль.

– Таможня ни разу не останавливала мой товар! – настаивал старик, взяв Поля за рукав, просительно заглядывая в глаза, – Вот вчера я продал парочку...

– Но я действительно никуда не уезжаю, – уже недовольно произнес Поль.

– Так и здесь каждому нужны птицы. Они так скрашивают одиночество. К примеру – моё! – грустно проговорил старик.

– Может быть, и я совсем скоро приду сюда. К вам. Скрасить одиночество, – пробормотал Поль про себя, удаляясь.

В ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЕ.

...И если умирает человек,
с ним вместе умирает первый снег,
и первый поцелуй, и первый бой...
Все это забирает он с собой...
(Евгений Евтушенко)

Детская больница располагалась на окраине, у подножия одного из тех насквозь зеленых, в вечной дождевой дымке холмов, которые, амфитеатром окружая обращенные к морю яркие цветы улиц, превращают приморские городки в законченный периферийной зеленью букет.

Несколько угадываемых среди деревьев заросшего сада красных черепичных крыш составляли больничный комплекс. Вблизи романтическая тайна пышного холма распадалась на разбитую дорогу, кипу сухо шелестящих ильм, пыльный чертополох возле старого, вросшего в землю грязно-желтого здания времен колониализма из пиленого известняка с помпезными, изъеденными ливнями колоннами. Парочка трахикарпусов оловянными солдатиками стояли на посту с двух сторон от входа главного корпуса. Оглушенные зноем под ними лежало несколько кур. На импровизированной стоянке под большой веерной пальмой, укрывшись в её изменчивой ребристой тени от послеполуденных лучей, дремала печальная, со скошенным передом, старенькая малолитражка. Ирвин приткнул свой вызывающе яркий лимузин в остатки тени и прошел внутрь мимо треснутой мраморной доски с заносчиво выпяченным названием и бесполезными календарными подробностями.

– Главный врач смотрит больного в другом корпусе. Скоро подойдет, – сухо буркнула сидящая в пропахшем карболкой вестибюле перед стойкой с разложенными глянцевыми журналами завернутая в белое мумия медсестры. Тишина, прохлада. Сухая черная рука длинным когтистым пальцем указала вглубь, – Его кабинет дальше по коридору. Можете пройти и подождать там.

Ирвин обрадовался отсрочке разговора. Он прошел по высокому сводчатому коридору вдоль окон с одной стороны и закрытых безмолвных дверей с другой. Унылая выцветшая табличка на приоткрытой, очевидно из-за сломанного замка, четвертой дверью указывала на

директорский кабинет. Тишина, лишь гугнивый голос в каком-то из дальнейших по коридору кабинетов глухо бубнил однообразное, да вторил ему в промежутках слабый детский голосок.

Кондиционный холодильник оправдывал плотно закрытую двойную раму обращенного на улицу окна. Между рамами билась о стекла, падала и расправляла крылья для следующей обреченной попытки невесть как попавшая туда муха. И так же беспросветно билась мысль Ирвина, стараясь построить будущий разговор с врачом. Можно ли убедить его делать то, на что не должен бы пойти ни один врач на свете. Конечно, если ему все рассказать... Но как раз объяснения требовалось избежать. И листок из школьной тетради с написанным мелким почерком Рэда поручением жег кожу сквозь карман пиджака.

–Вы ко мне? – тронул его за плечо незаметно подошедший низенький, пухленький, с ласковым бездонным взглядом за биноклями очков пожилой человек в белом халате.

–Я к главному...

–Проходите, проходите..., – всплеснул ручками, суетливо подбежал к двери, распахнул, указал.

–У меня к вам несколько вопросов, – сразу, в лоб, не придумав ничего стоящего, пробормотал Ирвин, опускаясь в старое кожаное кресло у края современника здания – громоздкого потемневшего стола с ископаемой гранитной чернильницей во главе.

– Но они чисто служебные, – добавил он и покосился на дверь.

–Понимаю, понимаю, – подбадривающе протянул доктор, привычным движением ошупывая кресло под собою, прежде чем присесть.

–Ваша клиника должна обследовать около трех тысяч детей.

–Простите, а кто вы и от кого даете поручения? Вы уж извините...

–Ах, да... – Ирвин вынул из пиджачного кармана вначале носовой платок, затем оттуда же металлическую пластинку и показал её доктору, неумело держа за припаянную сзади булавку.

–Да-да, все понятно, – сник доктор. – Простите, а на предмет чего нужно обследовать детей?

–Они должны быть совершенно здоровы, вы понимаете! Ну, к примеру, как для очень длительной увеселительной прогулки по морю.

–Для прогулки никогда не проводят...

–Может быть, я неправильно выразился? В конце концов, это не принципиально. Вы должны будете выяснить, нет ли у детей генетических заболеваний, которые могут проявиться позже; хронических инфекций, заразных болезней. После обследования дети будут помещены в карантин в освобождённом для этой цели отеле «Океан». Только не спрашивайте, для чего это нужно. Тайна не моя.

–Что ж, обследовать можно. Боюсь только, что у нас не хватит средств на генетическое консультирование. Удовольствие дорогое, а тестов теперь не достать. К тому же нет абсолютно здоровых детей. К примеру, хронические инфекции... А сколько времени отводится?

–Дней пять, может быть шесть.

–Очень малый срок. Лаборатория не справится. Бактерии, знаете ли, с нашими сроками не согласуют свои.

–Нужно сделать все, что можно. Дети начнут поступать уже сегодня. Их отбирают врачи поликлиник, ведется работа с родителями.

Пока беседа текла гладко. Покой и безмятежность царили в кабинете. Дневной свет, протискиваясь сквозь портьеры свисающих за окном лиан, терял основную часть спектра и вваливался в комнату остатками зеленоватых лучей. Маленькие пестрые занавески по сторонам окна отделяли кабинет от закрытого со всех сторон больничными зданиями садика, пестрого как кукольная декорация, которую, казалось, вот-вот должен был оживить деревянный Арлекин.

В глубине вязкой влажной духоты слышался слабый переливчатый шум невидимого фонтана. Щебетали птицы.

Ирвин немного освободил галстук. В коридоре, откуда иногда слышались чьи-то шаги, покашливание, было гораздо прохладнее.

–Еще один вопрос, – замялся он, на ходу изобретая, как приступить к самой важной теме, чтобы отдаленно, постепенно, не спугнув... Впрочем, несмотря на благодушные беседы, он чувствовал настороженность доктора: –Применяются ли в вашей клинике безлекарственные методы лечения?

–Как же, как же!

Восторженный взмах полненьких ручек, оживление.

– Лечебная физкультура, физиотерапия, массаж, иглотерапия. Есть даже специалист по модному ныне биополю.

–Можно ли обойтись только этими методами лечения и отказаться от лекарств?

Доктор озадаченно взглянул на собеседника.

– Я сам иглотерапевт. Вот, – он обвел руками стеклянный шкаф с загадочными инструментами на полках, пожелтевшие плакаты на стенах с абрисами человеческих тел, разрисованных цветными линиями, усеянных оспинами красных точек. – Однако нам запрещено лечить острые инфекции, хирургическую патологию. Иначе в клинике остался бы лишь мой кабинет.

–А биополе? Я слышал, что под его воздействием даже исчезают опухоли.

–Хотите, я за минуту научу вас лечить так, как лечат больных все подобные шарлатаны?– заговорщически понизив голос и, в свою очередь, с притворным беспокойством поглядывая на дверь, предложил доктор. – Вам нужно только водить вокруг больного руками, делать пассы или на что у вас хватит фантазии. Больные с острыми заболеваниями, как правило, выздоравливают сами. Но они этого не знают! Приписывают все на ваш счет, и вы для них становитесь святым. Как же, излечение без лекарств! Энергией какого то там астрала! Если же это хроник, извините за термины, – сконфуженно прикрыл он рот рукой, – в конце концов, и у него наступает ремиссия и вам нужно лишь терпеливо ожидать ее, растягивая лечение.

А если больной умрет? – воскликнул Ирвин.

–Но он же не придет свидетельствовать другим, хватать за руку, убеждать, что вот я лечился бесполезно и умер, – захихикал доктор, потешно всплескивая рукавами. – Так что вы обречены на успех. Будет расти слава, расти ожидание чуда, вот и объяснение эффективности опосредованной психотерапии среди малообразованного населения. Я достаточно понятно выражаюсь?

–Зачем же вы держите такого...?

–Врача! – иронично подхватил доктор. – Лучше пусть священнодействует под нашим контролем. Настоящий врач не направит к нему, к примеру, онкологического больного, не назначив одновременно специфического лечения. А без нашего присмотра подобные специалисты берутся за все, а больные пропускают время.

–Используя иглотерапию вы сами, следовательно, просто имитируете лечение?

–Как поймать белого медведя для зоопарка, если мы умеем ловить только серого? – спросили охотники у ученого. – Гоняйте его, пока не посереет, и ловите как серого, – хихикнул над собственным анекдотом врач. – Мы более или менее умеем лечить острые, но не хронические болезни. Двумя-тремя сеансами иглотерапии я вызываю обострение хронической, снизив защитные силы организма, и затем лечу её обычным способом уже как острую.

– Следовательно, при остеохондрозе, – Ирвин машинально с гримасой прикоснулся рукой к пояснице, – можно просто дать больному пинка?

–Вы быстро учитесь, – льстиво проговорил доктор.

–Значит полностью заменить лекарства нечем,– с отчаянием после паузы проговорил Ирвин. От волнения он поднялся и стал ходить по кабинету.

Доктор с возрастающей тревогой наблюдал за собеседником. – Я всегда завидовал ветеринарам, – заискивающе заглядывая в глаза Ирвина пробовал он пошутить, разрядить обстановку, – в крайнем случае, они могут пациента съесть...

–Мы на острове,– остановился Ирвин, решительно прерывая врача и никак не реагируя на шутку,– поставок лекарств больше не предвидится и необходимо..., да, необходимо! То есть, что я говорю, уже принято решение ... изъять медикаменты из вашей клиники!

–Как это?– только и смог проговорить доктор.

–Поверьте, мне так же трудно произносить эти слова, как и вам слышать их. Но я знаю, я убежден, что другого пути нет. И требование это обосновано. Но,– Ирвин сделал жест рукой, предупреждая возможное возражение, – это не мой секрет, и я не могу объяснить вам причину.

–Но ведь это преступление, лишать больных детей...

Доктор дрожащей рукой снял очки и стал нервно шлифовать стекла полкой халата.

–Применяйте только безлекарственные методы.

–А неотложные операции? Острые заболевания? Как я могу отказать детям?

–Тем не менее,– холодно и официально, в душе презирая себя за эту холодность, выдал из себя Ирвин,– вам придется это сделать. Более того, нужно немедленно освободить клинику от больных детей. И заняться только обследованием здоровых. Даже в этом случае вам не хватит времени...

Врач отложил очки на стол. Побледневшее лицо его приняло землистый оттенок. Потом встал.

– Вы не можете, не имеете права говорить это мне. Я не могу подчиниться! – прервал он Ирвина.

Произнося последние слова ужасным шепотом, маленький человечек наклонился к Ирвину, и его животик, туго обтянутый халатом, смешно лег на стол.

–Если не вы, то другой на вашем месте выполнит приказ.

Ирвин взял себя в руки и говорил теперь обреченно и холодно.

–Как после этого он будет смотреть в глаза коллегам?

–Коллеги будут заняты здоровыми детьми.

Врач растерянно поискал в карманах, вынул платок, потерянно потер им лоб.

–Я не смогу выполнить то, о чем вы меня просите,– решительно и сразу успокоившись, четко произнес он.

–Тогда вы тотчас же сложите свои полномочия. Другой на вашем месте будет выполнять все, о чем я попрошу.

–Я не позволю ему это. Для многих детей отказ от помощи означает смерть.

–Что ж, обойдемся без вас,– с болью произнес Ирвин, чувствуя себя подлецом, и повернулся к двери.

–Нет, постойте!– врач выбежал из-за стола, встал у двери, скрестив руки и загоразивая её, поглядывая и на окно, как бы желая и его закрыть своим телом,– я не выпущу вас отсюда!

Ирвин колебался. И не видел другого выхода.

– Лечить детей сейчас то же, что чинить обувь висельнику, чтобы не промочил ноги по дороге на Голгофу!– сказал он устало и обреченно, глядя сквозь линзы в широко раскрытые, круглые и доверчивые, как у ребенка, глаза. – Я скажу вам. Мы строим убежище. Надвигается катастрофа. Население острова, в том числе и больные дети, о которых вы теперь уже бесполезно печетесь, погибнут все равно. Через несколько дней. Через месяц. А медикаменты необходимы остающимся...

Дверь за спиной доктора вдруг распахнулась рывком. “Безопасность” было начертано на металлической пластинке, холодно поблескивающей на груди офицера, появившегося на пороге.

–Выйдем!– грубо схватил офицер Ирвина за руку, отодвинув в сторону врача.

Ирвин повиновался.

–Вы позволили себе говорить ОБ ЭТОМ с посторонним!– жестко произнес офицер, одной рукой прикрывая дверь и, отпустив Ирвина, поднимая вторую, как бы предупреждая возможные возражения. –Я ожидал под дверью окончания вашего разговора и случайно услышал все. Мы подвезли первую партию детей, но в это время, оказывается, вместо помощи, специалисты нас предают!

–Другого пути уговорить директора клиники выполнить поручение я не видел,– мрачно ответил Ирвин.

–Еще неизвестно, убедили или нет, но вот на смерть уже обрekli, – шипящим шепотом произнес офицер. – Вы должны ответить за разглашение тайны. Но нет времени для правосудия. Если умрет тот, кто не должен был быть посвящен, исчезнет повод карать вас.

–Но зачем убивать человека?– вскричал Ирвин. – Ведь зная нашу тайну, он будет выполнять свой долг не хуже нас с вами!

–У меня есть четкий приказ, и я отвечу головой, если выяснится, что он нарушен,– криво улыбаясь, произнес офицер. – Подумайте, что ждет нас в случае, если правду узнает население? Что будет твориться в городе в случае массовой истерии! Вся работа по подготовке Ковчег будет дезорганизована. Толпы людей ринутся в спасительное убежище. Планы будут сорваны. И вы будете причиной, если придется уничтожить уже все население города. Что значит жизнь одного...

–Тогда пусть лучше пострадаю я,– угрюмо произнес Ирвин. – По крайней мере, доктор будет выполнять свой долг, я же нужен для предстоящего дела гораздо меньше.

–Честно говоря, мне все равно,– медленно, глядя прямо в глаза, сквозь зубы процедил офицер, а Ирвин, инстинктивно защищаясь от беспощадных слов, старался разглядеть выдвленную эмблему на пуговицах форменной офицерской рубашки, мучительно придумывая выход. – Я успокоюсь, если одного из вас не станет. Вот и решайте. И скажите спасибо, что оставляю хотя бы одного. Впрочем, спасибо скажет оставшийся,– поправился он.

Наступило тягостное молчание.

–К-как вы будете... ЭТО делать?– выдавил, наконец, из себя Ирвин.

– Лично я не буду делать ничего. Просто закрою вас в этом кабинете, а выйти должен будет один. И если выйдет доктор, это еще ничего не значит!

–Но это... это аморально!

Офицер в ответ только криво улыбнулся.

– Я дам вам пистолет. А вы там уже сами выберете....

Шум в кабинете прервал его речь.

–Окно! Он может убежать в окно!– закричал офицер, распахивая дверь.

Стеклянный шприц хрустнул у него под ногой. Доктор сидел в глубоком, потертом кожаном кресле, голова его склонилась набок. Из иглы, торчащей из локтевой вены, на белый халат капали красные капли. Лицо посинело, правая вытянутая нога подрагивала.

–Он слышал наш разговор?– не то спросил, не то резюмировал офицер.

Через окно вливались ароматы сада. Лучи солнца отражались от цветов, ярко-красных, как капли крови. Слышались безразличные трели птиц и равнодушный шум фонтана, сонное гудение большой зеленой мясной мухи.

Ирвин молчал.

НЕЗНАКОМКА

-О ты, которую напрасно призывали
Мольбы моей души – сюда, на остров мой,
Увитый белою змеящейся каймой,

Появишься ли ты из бледно-серой дали?
/Э. Верхарн /

Топот ног на крыльце, костяной треск бамбуковых занавесок и вот он, Поль, проваливаясь в болото толстого ковра, ввалился в благодатную прохладу гостиной.

– Это ты! – озабоченное лицо Гэмфри показалось из спальни. – А я собираюсь в Ковчег. Теперь почти постоянно буду там. Вот, ищу запасные тапочки. А ты пока посмотри, как переливаются на свету перламутровые раковины, вделанные в стенки камина. Какие удивительные краски! Мастер закончил только вчера. А старинная лампа на камине! Я верю, что она досталась мне от Аладдина. Между прочим, эта лампа не бутафория. Она запроважена обычным керосином. И спички рядом. А кресло...! Что с тобой? Тебя тоже посадили на казарменное положение?

Последние слова Гэмфри произнес уже в гостиной, появившись в ней с чемоданчиком в руках.

– Нет, – уныло ответил Поль, – мне дают всего по одному заданию в день. Боюсь даже, что вскоре окажусь не нужен. Наверное, Рэд не верит в мои деловые качества?

Ему вдруг стало неловко оттого, что он отрывает от дела человека по совершенно, как казалось теперь, пустяковому поводу.

– Садись, садись, – ласково потянул его Гэмфри за рукав к креслу. – Ты расстроен не только этим, я вижу. Но можешь не говорить! Сейчас я поставлю кофе.

Лучи заходящего солнца, пробиваясь сквозь цветные стеклянные витражи, легкомысленными пятнами ложились на ковер.

– Можешь переезжать ко мне, – появляясь с двумя дымящимися чашечками, продолжал Гэмфри. – Я же знаю, что у тебя пусто и кондиционер не работает. Марга может убирать и готовить тебе и здесь. Заодно и присмотр будет за моим гнездышком. Я-то до окончательной постройки Ковчега не часто смогу бывать дома. Кстати, у меня большой запас коньяка, взгляни, – он открыл дверцу бара. – Давай-ка по стаканчику. Вот шоколад. Да, так что случилось? Я же чувствую. Ты сам не свой!

Полю было что сказать. Но только появившись у Гэмфри он понял, что никто не сможет оправдать его поведение на катере. Он должен был вмешаться. Должен был остановить массовое убийство. А вместо этого лишь трусливо оправдывал собственное поведение. И он решил вообще не упоминать о происшедшем, как бы ни хотелось излить перед добрым стариком душу.

– Скажите, – начал Поль напряженным голосом, лихорадочно ища другую тему для разговора – почему у вас нет семьи? Может, этот вопрос бестактен, тогда я прощу...

– Нет-нет, – добродушно махнул рукою Гэмфри, крякая и закусывая плиткой, – кто только не задавал мне этот вопрос. Был я однажды женат. Совсем молодым. И так мне хотелось детей. Жили мы вначале, мягко сказать, не очень богато. Я учился, перебивался случайными заработками. И вот жена, и, особенно, её скаредная мамаша, стали мне напевать, что нечего, мол, плодить нищету. Можно было подумать, что их самих в свое время родили от избытка. И все прошедшие века на Земле был рай, и лишь благодаря этому человечество выжило. Так прошло несколько лет. Уже и достаток пришел, а из-за их эгоизма, нежелания чем-то поступиться ради ребенка... Короче я ушел от жены, и ни разу не пожалел об этом. Потому что смысла жить вместе не было никакого. Лишь недавно узнал случайно, что бывшая жена живет в пансионате для престарелых. Где же еще жить бездетной, никому не нужной эгоистке? А у меня вторично жениться не получилось, а потом привык. Да и жизнь такая, вся в разъездах. Тебя-то почему начало волновать это? Уж не влюбился ли?

– Нет, – обреченно вздохнул Поль. – Только вы напрасно о жене...

– Что напрасно? – не понял Гэмфри. Он смотрел заинтересованно, хотя ясно было, что все отшумело, и ему осталось лишь щериться испорченными зубами, и блистать желтоватыми белками глаз.

– Напрасно думаете, что это они только из жадности не хотели ребенка.

– А из-за чего же еще? Ведь многие женщины рассматривают теперь ребенка только как обузу. В квартире ему делать нечего. В старости её поддерживают не дети, а подачки в виде пенсии, да дома для стариков. Так для чего вообще ребенок нужен? Пользы то никакой! А затраты! Однажды мне пришлось быть на пышных похоронах единственного трагически погибшего сына моего очень богатого товарища. Я брел с кладбища за согбенными спинами безутешных родителей и вместо сочувствия чувствовал злость. Ну почему они, такие богатые, здоровые не родили в свое время двух-трех детей. Потеряв одного, они бы пережили трагедию, но не крах, не полную потерю смысла. За внешней стороной повседневной, привычной, кажущейся вечной жизни они забыли о том, что человек смертен. Более того, внезапно смертен. И обычный эгоизм сделал их теперь бессмысленной, никчемной парой.

– А может нежелание иметь детей есть проявление нами еще не познанного человеческого инстинкта? Когда люди живут сытно и скуденно, то, как и крысы в таких условиях, перестают размножаться. А разговоры о том, что нечего, мол, плодить нищету, так это только неуклюжее обоснование выполнения ими подсознательной программы на вымирание.

– Ну, ты и загнул... – протянул Гэмфри. – Значит, в мозгу сработал какой-то фермент? И можно было лишь настоять на своем? Ну, если уж у меня не получилось, то ты не должен повторять ...

– Но осталось так мало времени...

– Ты веришь всем этим предсказателям типа Рэда? Уж за свою жизнь я столько слышал о конце света. Как только очередной отбубнит свое, тут же начинает просить займы.

Утверждение Гэмфри было голословным, но его спокойная уверенность убеждала, и будто тяжесть свалилась с плеч Поля. Или подействовал коньяк?

– Понимаете, до сих пор как-то получалось, что во всех компаниях я оказывался, или выглядел, самым молодым. В классе, в колледже, в коллективе врачей. А сегодня прошел после работы на танцплощадку на берегу. Оказывается, там вечерами танцуют с девушками совсем молодые парни. Среди них я выглядел настоящим стариком. И все смотрели на меня ... так. Как незаметно пролетела молодость. И что же, теперь моя участь только покупать любовь?

– Э-э, да ты идеалист. Воспринимай мир проще, – похлопал Гэмфри Поля по плечу, доливая коньяка. – Ничего не кончено даже для меня. Да-а! – он горделиво и явно рисуясь поднял подбородок вверх, – вот возьму и женюсь. По твоему можно влюбляться только в шестнадцатилетних?

– Я познакомился с одной девушкой, – продолжал Польш, которому уже не терпелось выплеснуть все, что накопилось на сердце, – точнее нет, не познакомился. Просто она почему-то села за мой столик в ресторане во время обеда. Нам еще не принесли горячего, а я уже готов был отдать за нее жизнь. Я бы умер от счастья, если бы она согласилась стать моей женой. Ведь с тех пор, как умерла моя тетья, не было рядом человека, которого я бы любил и считал родным. Так вот, как только заиграла музыка какой-то старый, противный мавр пригласил ее на танец. Я не мог возразить. Ведь я не знал ее, не знал, как она относится ко мне. А она пошла, а через несколько минут этот мавр увел ее. Неужели она не поняла моего взгляда? Неужели я стою меньше той банкноты, которую она отработывает сейчас? Что за гадость эти женщины! – голос Поля сорвался.

– В тебе сейчас говорит обида, – мягко возразил Гэмфри. – Подумай, имеешь ли ты право предъявлять претензии? Почему женщину, даже совершенно незнакомую, мужчины воспринимают как собственность? Правда, и меня возмущало вначале, что такой сложный, умный

аппарат для размножения природа всучила дурам. Впрочем, я уверен, что ты стал таким эмоциональным оттого, что пришла пора влюбиться.

Гэмфри помолчал. Наверное, вспомнил что-то из своей жизни. Долгой жизни, если смотреть на нее глазами ребенка. И такой короткой для того, кто её прожил.

– Как закоренелый холостяк могу сказать тебе то, что не придет в голову женатым. Какое все же это счастье, что в мире есть женщина. Без них наше существование лишено смысла. Вот ты одинок сейчас, и смертен, и ничтожен. Но появляется женщина, и ты получаешь больше, чем стоишь сам. И приобретаешь бессмертие! Вот если бы мы размножились почкованием, что можно было бы сказать в конце жизни? Родился, жил и умер. Ну, может быть, построил камин из раковин, – горько рассмеялся он, поднявшись из-за стола и подходя к камину. – Это мне, одинокому, остается душу свою отдавать гнездышку. Взгляни на мебель! Практически вся сделана моими руками. Так что после себя я оставляю вещи вместо детей. Вдохну в них жизнь, и оставляю.

– Я пойду, – робко сказал Поль, делая попытку подняться.

– Нет, нет, посиди! Я ведь говорю все это и для себя тоже. Трудно, когда не с кем поговорить. Так вот, о чем это мы? Ах да! Вот даже на пенсию я не иду. Стыдно! Ведь теперь вы, молодые, должны будете кормить меня. Меня, который не приложил никаких усилий, чтобы подготовить себе замену. Не иди по моим стопам, нет! Я вот хотел в юности стать врачом. Но сосед строитель отговорил. Заниматься медициной, сказал он мне, это как исправлять ошибки в надписи на торте, который тут же будет съеден. А вот дома... Ныне я с ним не согласен. Ободренные временем стоят знаменитые пирамиды. А как ни уязвим, одноминутен человек, но персик девичьих щек все так же свеж и притягателен, как и в пору их строительства! Лишь в смертном живом сокрыто бессмертие! Потому влюбляйся и женись. И ты не будешь затерян во времени и пространстве. Женщина встраивает нас в осязаемую цепь бесконечной жизни, дает смысл существованию.

– А может лучше заняться наукой?

– В ад примут и без образования.

Гэмфри вернулся к столу, налил конька в обе рюмки. Поставил бутылку, и вдруг шлепнул себя по лбу, поднес руку к глазам, пытаясь разглядеть убитого комара.

– Взгляни, вот быстрая смерть, смерть без страдания. Для чего появляется на свет комар? Для удовольствия! Только есть и размножаться. А смерть мгновенна. Ни тебе раздумий о человечестве, ни о смерти. Нет незавершенных дел. Вся жизнь, не только комариная, появляется для удовольствия, и только разум отравляет ее. Но от жизни никуда не деться, а значит и от любви! Пусть любовь только обман, – продолжил он, подняв рюмку вверх, – все равно, спасибо ей за иллюзию исчезновения одиночества! Как правило, мы умираем раньше наших друзей. Значит, они с нами навсегда. Для нас обман никогда не кончается. Так что женщина – самый бескорыстный и дорогой подарок, который преподносит нам природа. Чтобы выразить любовь к женщине, мы выдумали язык. Ведь если бы мы размножились, как я уже упоминал, почкованием, какой смысл был бы в общении? И Бог смог явиться к нам лишь через слово, порожденное женщиной. Да и не Бог, но женщина даёт нам не мифическое, а реальное бессмертие! Распятие на кровати, а не на кресте, должно красоваться на церквах! На неё, на кровать нужно молиться!

– Не крестным же знамением, а кроватным, – хмыкнул Поль.

И они выпили еще, и Полю было хорошо как никогда, и мысли были ясны, и проблемы решались сами собой.

– Признаюсь, – заговорщически наклонился Гэмфри к Полю, – в отличие от тебя меня не гнетет уже постоянное чувство необходимости поиска. Поизносилось все, что скрыто платьем, не властвует надо мной уже кое-что, как над половиной человечества, и женщины вызывают теперь еле живой интерес. Но зато я почувствовал себя совершенно свободным. И хоть здоро-

вья уж нет, а в моем возрасте оно и ни к чему, иначе обидно было бы умирать, я чувствую себя счастливым!

От Гэмфри Поль возвращался умиротворенным. В навалившейся после кондиционной прохлады духоте по пути к своему коттеджу он сбросил пиджак, сорвал ненавистный галстук. За зеленой стеной, стоило лишь протиснуться между стеблей метров двадцать в сторону океана, открывалась желтая песчаная коса и бесконечная, медная от лучей заката, волнистая гладь. Виды эти не утратили еще для него, выходца из душных европейских городов, экзотичности и притягательности. На душе у Поля стало светло и грустно.

После увиденного у Гэмфри великолепие собственное жилище показалось пустым и мрачным. Зал, спальня, ванная и кухня, служившая и столовой, обставленные только самым необходимым, походили на официальное учреждение. Поль решил завтра же попросить приходящую домработницу Маргу принести хоть пару цветков в горшках.

– Как глупо устроена жизнь, – пришла ему в голову мысль уже в ванной, когда он нежился под тугими прохладными струями душа. Стоя на белом теплом кафеле, он как никогда ранее внимательно разглядывал собственное тело. – Какая приятная гладкая кожа, – с волнением провел он рукой по бедрам, – красивый живот. Почему бы какой-либо девушке не любоваться им, Полем, пока еще есть время. Пока он не стар. Ведь есть же где-то такая же одинокая, как и он. И такая же несчастная.

Он представил себе как прямо сейчас, здесь, в ванной, вдруг бы оказалась ОНА, и никогда не испытываемое чувство восторга охватило его. Привычное окружение наполнилось таинственным смыслом и значимостью. Вдруг совершенно по новому воспринял он шум воды, острее ощутил запахи зелени, сквозь большое, затянутое противомоскитной сеткой окно вливающиеся в ванную. Удивительным и странным показалось ему существование людей с другим, нежели у него, телом. С неожиданным волнением воспринял теперь Поль тривиальную мысль о том, что все женщины мира бессмысленны без него, они самой природой предназначались ему. И океан волновался для него, и лианы шуршали по крыше коттеджа, и коровы кормились на лугах.

И ответная благодарность ко всему окружающему, и любовь, и нежность наполнили грудь и слезы выступили на глазах. Как хотелось именно сейчас в свою очередь облагодетельствовать все существующее, и раствориться в этом огромном, добром мире с восторгом и признательностью...

...Ночью Поль проснулся. Было жарко, во рту было непривычно сухо. Он еще никогда не пил столько коньяка. Очередной раз чертыхнулся, вспомнив о неисправном кондиционере. Сглотнул тугую слюну и почувствовал боль в горле. Вот уже несколько дней немного побаливало с правой стороны. И на ощупь миндалина справа была, казалось, немного увеличена.

Он вскочил вдруг в тревоге, босиком бросился в ванную комнату, включил свет и, широко открыв рот, стал разглядывать горло в зеркале. Цвет был одинаков с обеих сторон.

– Вдруг это проявление малодифференцированной опухоли! – вдруг с ужасом и тоской подумалось ему.

И прежние мысли о том, что зря прожил одинокую жизнь, не оставил детей, и тело его вскоре исчезнет под слоем красноватой местной глинистой почвы и будет навсегда забыто, нахлынули.

Пытаясь охладиться выпил воды, намочил в ванной простыню и набросил ее на плечи. Выключил свет и вышел на крыльцо. Здесь звуки ночи были слышнее. Воздух был недвижим, свежести не ощущалось. Китайский фонарик луны нырнул за тучку, но рассеянный свет и яркие близкие звезды позволили постепенно привыкшим ко тьме глазам различать предметы. Какой-то шорох шел от калитки. Поль прошел и открыл её.

Тьма в зарослях. Но вот блеснули жемчужные отблески на миг освобожденной от туч полной луны на зеркально-восковых листьях. Поль отшатнулся.

На скамейке – темной, отполированной временем доске, в которую врезались, раздуваясь в стороны, стволы толстых пальм, прямо у калитки, прислонившись к одной из этих пальм, как продолжение бестелесной ночной тени, угадывался силуэт сидящей девочки. Без платья. Будто она только что пришла с пляжа. Но откуда она могла появиться здесь?

Только Ирвин и Гэмфри жили в коттеджах рядом с Полем в этом глухом месте, на самом краю выступающего далеко в океан мыса, который с трех сторон был окружен безбрежным водным простором. До пустого ныне отеля “Океан” десяток километров по дороге в город.

– Кто ты? – спросил Поль удивленно.

Незнакомка не отвечала. Выражения глаз нельзя было разглядеть в темноте.

– Боже, – охнул Поль, стыдливо плотнее обматываясь простыней. – Пойдемте же в дом, – протянул он руку.

Девочка подала ему свою, с трудом поднялась, сделала шаг. Вдруг ноги ее подкосились, и Поль еле успел подхватить падающее тело.

Войдя в дом, он бережно донес ребенка до дивана, стоящего в зале, вернулся, плотно закрыл дверь и только после этого щелкнул выключателем. Яркий свет выхватил из тьмы предметы. Поль обернулся к дивану и замер. Перед ним лежала Мечта.

Гостья оказалась не девочкой, а девушкой. Стройное тело венчало лицо, которое всплывало перед ним в юношеских фантазиях, которое он старался изобразить на бумаге во время скучных лекций. Которое искал бессознательно, с надеждой вглядываясь во встречаемых.

«Я умру, если она уйдет из моей жизни», понял он вдруг, прикладывая руку к груди, будто желая успокоить заколотившееся сердце, и покорно смирился с этой ясной, одновременно тревожной и радостной мыслью.

Побежал за тонометром и фонендоскопом в спальню. Торопясь, не попадая ногою в штанину, натянул спортивный костюм, вернувшись, измерил давление, стоя перед девушкой на коленях. Он согласен был стоять на коленях перед нею всю жизнь.

Мокрая рубашка и трусики, явно не предназначенные для плавания, плотно прилегли к телу, тяжелые длинные золотистые волосы оставили на диванной подушке темные прохладные пятна. Ноги были исцарапаны, внизу все в песке, который кое-где был пропитан кровью. Поль понял, что девушка приплыла откуда-то и вышла из океана перед их коттеджами. Прибой разбивался здесь метрах в тридцати от берега, а дальше, вплоть до песчаного пляжа, мелкая волна перекачивалась над острыми кораллами, еле скрытыми водой, ходить по которым босиком было безумием.

Лицо девушки было болезненно хорошо. Ни одного изъяна не нашел в нем его жадный, пылливый взгляд. Она была чересчур красива. Судьба не предназначала ее Полю. И у него заняло сердце.

Вдруг дрогнули веки. Поль склонился ниже. Именно голубые глаза он ожидал увидеть. Огромные, окаймленные длинными ресницами.

– Как вы себя чувствуете? – язык еле передвигался в его пересохшем рту.

Взгляд девушки постепенно становился осмысленным. Вдруг она спохватилась, опустила руки, прикрываясь.

Поль бросился в спальню, схватил влажную простыню, вернулся к дивану, набросил.

– Вы француз? – спросила девушка тихим бесцветным голосом, руками поправляя простыню, и он только теперь понял, что говорил с ней по-французски, не сомневаясь, что она поймет.

– Где я? – продолжила она, дождавшись утвердительного кивка Поля.

– У меня в доме, – глупо ответил он. – А вы откуда?

– Я очень устала, – равнодушно, с видимым усилием проговорила девушка.

– Я сейчас! – Поль вскочил с колен, бросился на кухню ставить чайник.

Затем в спальню. Достал чистые простыни, заготовленные Мартой в шкафу, и постелил их на свою кровать.

Кинулся в кухню, где зашипел чайник.

Подкатил столик из кухни к дивану, расставил на нем приборы.

Включил горячую воду в ванной и принес туда свой халат и мягкие тапочки.

И все это время чувствовал на себе взгляд бездонных глаз с дивана, и терялся, и суетился излишне.

–Вы хотите принять душ? Или вначале кофе?

Поняв ее взгляд, он налил горячего кофе в свою чашку, которая, к счастью, оказалась вымытой им с вечера, поставил на столик сахар, шоколадку и бутылку коньяка. Коньяк налил в кофе.

–С вами что-нибудь случилось? Скажите, я помогу! Я врач.

–Я очень долго плыла,– тот же равнодушный тон.

После кофе на щеках девушки выступил румянец. Она протянула руку. Поль поспешно помог ей подняться, причем, когда она коснулась ступней пола, лицо её перекосила гримаса боли, поправил на ней простынь и отвел в ванную. Пустил воду и включил газовую колонку.

–Чистое полотенце висит на крючке!– крикнул он закрывая дверь, стараясь перекрыть шум воды.

Незнакомка вернулась в зал быстро. Он не успел даже собраться с мыслями.

–Я повесила белье сохнуть,– неопределенно махнула она рукой.

Халат был ей великоват, тапочки тоже.

–Давайте я смажу вам царапины йодом, – раскрыв приготовленный флакон и измазав при этом себе руки, предложил Поль.

Незнакомка послушно выпростала ноги из тапок и не издала ни единого звука, пока он с гулким сердцем приподнимал и поворачивал её ступни, тщательно обрабатывая мелкие порезы.

–Еще кофе?

С отрешенным видом выпила еще чашку. Лицо ее было спокойно, но Поль не нуждался в словах. Что-то ужасное произошло с ней. А он не имел права на тайну.

–Ваша кровать там,– показал рукой на спальню.

Девушка поднялась и покачнулась. Поль бережно поддержал. Довел до кровати. Понимая, что под халатом у нее ничего нет, повернулся и вышел тотчас же, прикрыв дверь.

Ночь продолжалась. Поль лежал теперь на диване в зале и не замечал духоты. Он не мог спать. Отчаяние отрезвило его. Если завтра заявятся родители девушки, а может быть и муж – при этой мысли он даже скрипнул зубами и чуть не расплакался – она навсегда уйдет из его жизни. А ему останется только умереть, ибо пересилить страх смерти проще, нежели тоску одинокого, бессмысленного существования.

Кто она? Откуда? Что с ней произошло? А если ей некуда идти и она останется? Его ликование сразу увяло, как только он подумал о муже. Что же, на вид ей лет шестнадцать. А красивые девушки очень рано выходят замуж. Естественно, ими каждый хочет завладеть, потому, он был уверен в этом, он давно упустил шанс найти себе подходящую пару.

Поняв, что не уснет, Поль отправился на кухню. Он обычно завтракал в китайском ресторанчике по дороге на работу, но завтра все будет иначе. Сам приготовит ей что-нибудь вкусненькое.

На кухне обратил внимание на шум воды. Конечно, она не закрыла колонку и горячая струя била из душа. Он вошел в ванную. На крючке висело полотенце, рядом ее мокрая рубашка. Поль ярко представил вдруг, как ОНА голая переступала через край ванны и совсем недавно стояла здесь, под тугими струями... Разделся и встал под струю. И уже была совершенно забыта былая боль в горле.

– А может ей некуда идти и она останется. И полюбит меня?– он даже оглянулся, как будто кто-то мог подслушать его мысли и осмеять.

Оглядел себя, как и несколько часов до этого, уже сравнивая, уже изучая критически, и впал в отчаяние. За что его любить? Что он такое? Безвольный, невыразительный, серый человек. А тело? Неразвитая, впалая грудь, бледные хлипкие бедра. Мышц почти не видно. Книжная крыса. Квазимодо! С ненавистью посмотрел на свои худые ноги. Как такой урод может надеяться на расположение прелестного существа, случаем заброшенного в его халупу? Он испытал вдруг такое отвращение к себе, что застонал, и вышел из душа полный уныния и сомнений.

Дверь в спальню была закрыта.

А вдруг она ушла – обожгла его ужасная мысль. – Но куда ей идти, – облегченно вздохнул Поль, – ведь океан вокруг. А до жилья далеко. И если даже звать кого, хоть рот порви, ни до кого не докричишься. И никто сюда, и никогда не явится. Так что если ей некуда идти, она обречена будет изо дня в день видеть только его, Поля. И выбора у неё нет, – развеселила хулиганская мысль.

Поль прилег на диване, ощущая приятную прохладу там, где осталась сырость от мокрых девичьих волос.

–А вообще-то что в ней такого необыкновенного, – лениво ворочалась, сопротивлялась любовному наваждению его мысль. – Это с моей, пристрастной точки зрения она прекрасна. Брови изогнуты дугой. Это чтобы пот стекал по ним, не попадая в глаза. Прямой нос. Но ведь только у нас он и хорош. А в высокогорье нужен настоящий клюв. Иначе будет недостаточно увлажнять сухой разряженный воздух. Вот тебе бронхит или пневмония, и ага! Для северян этот нос также уродлив. Отмерзнет в ближайшую зиму. И вообще, она просто самка одного со мною вида. И все мои переживания всего лишь игра гормонов. На комара, вот, она вообще не произведет впечатления. Да и зачем девушка комару, если он уже напился моей....

Незаметно он уснул.

УТРО ТРЕТЬЕГО ДНЯ.

Он всемогущ, – зачем же
Есть в мире зло?
(«Каин».Д.Г.Байрон)

Привычный утренний топот неведомого бегуна за окном. От берега океана. Навстречу заре.

Поль открыл глаза. Он лежал на диване в зале. Значит это не сон! ОНА здесь. Рядом. И звонкое ощущение праздника наполнило грудь.

Ему надо бы приготовить завтрак. Он не просил домработницу Марту прийти пораньше, и теперь, пока провозится с завтраком, может опоздать на работу. Ну и плевать!

Он сделал зарядку у крыльца. Не как обычно, стараясь дать нагрузку мышцам, а просто, чтобы прийти в себя после сна.

Как прекрасен был утренний мир! Вот галька у крыльца, снизу подернутая влагой, каждый камешек отполирован прибоем, курортный шелест которого ясно слышен и здесь. Удивительные растения, которых до приезда сюда он никогда не видел, и почему-то только сейчас смог рассмотреть. Одурачивающий запах неведомых цветов из сада. Тонкий аромат гниющих останков. Слизняк, украшающий листья блестками слизи, полз по ветке. А вот и лягушонок, местный, южный, неторопливо выглянул из-под коряги, моргнул. Милый, милый лягушонок!

Вернувшись, Поль увидел, что дверь в спальню приоткрыта. У него подкосились ноги. Он не помнил, была ли открыта дверь раньше. А если она исчезнет так же внезапно, как появилась?

С бьющимся сердцем прокрался на кухню, угловым зрением стараясь разглядеть внутренность спальни. Утренние лучи уже осветили кровать. Девушка лежала, свернувшись младенческим калачиком. Пышные волосы рассыпались по подушке. Вдохнул облегченно.

Поль приготовил яичницу и выставил из холодильника все, что там было. Позвонил в Ковчег.

– Я задержусь ненадолго,– сказал он, услышав спокойный голос Рэда.

– Поезжайте в детскую больницу,– после паузы задумчиво проговорил Рэд. – Там уже идет отбор детей. Пусть врачи обратят внимание на их генетические болезни, хронические инфекции, глистные инвазии. Мы имеем уникальную возможность избавить будущее человечество от десятков заболеваний, просто не допустив их попадания в . . . , ну, вы знаете,– замялся Рэд,– а врачи, по известной вам причине, не имеют понятия, с какой целью отбираются дети. К тому же, вчера там произошел инцидент. . . . Если директор еще не назначен, сами возглавьте дело.

– Хорошо, – коротко ответил Поль. Он не задал Рэду ни одного вопроса, так как не услышал даже, а просто почувствовал, что Она проснулась. Положив трубку, вышел из коттеджа, миновав калитку продрался сквозь заросли к берегу и постоял там, всей грудью вбирая соленый свежий воздух океана, успокаивая сердцебиение.

Когда Поль вернулся, девушка, закутавшись в его халат, сидела на диване, служившем этой ночью ему постелью. Она, очевидно, уже умылась.

–Здравствуйте! Как чувствует себя пловец?– излишне бодро произнес он.

–Спасибо,– уже не слабым, как вечером, голосом ответила та, подняв на него прекрасные, горящие лихорадочным блеском глаза. – Почему вы здесь и живы?– вдруг спросила она. – Разве не всех туристов отправили с острова?

–Я не турист. Я здесь работаю.

Поль был озадачен ее вопросом.

–А нас всех убили,– жестко сказала она, и слезы вдруг заполнили ее глаза. – И папу, и маму. . . ! Заставили сойти на баржу. . . и взорвали. Папа держал меня на руках, чтобы не раздавили в толпе. Наверное, при взрыве ему повредило ноги. Все закричали. И папа тоже. Он сразу выронил меня. А потом баржа перевернулась. Никто не выплыл. Я искала. И другие почему-то не могли далеко плыть. Я одна добиралась до берега. А папа, мама. . .

Рыдания сотрясли ее тело. Она закрыла лицо руками.

У Поля пересохло во рту. Перед глазами проявилось обросшее водорослями дно баржи, падающие в воду тела. Непроизвольный стон вырвался из его груди. Ведь он один из участников убийства. И уже почти забыл об этом! Как мог он, врач, воспитанный и порядочный человек, поступить так? И оправдать себя тем, что выполнял Долг. Но разве массовое убийство может называться Долгом?

«Я просто был на войне!! четко произнес он про себя, чувствуя, что иначе сойдет с ума. «Ну конечно! Это все из-за войны, которая случилась вне нас. Это ОНИ виноваты».

–Вы меня извините,– стараясь сдержать рыдания, глухо, сквозь ладони проговорила девушка, – но мне так тяжело. Может быть, жива моя старшая сестра? Она такая сумасбродная. Вчера осталась в городе. Обещала приехать на такси, и не вернулась. Мама и папа так переживали. Уже начали звонить в полицию, как нас подняли и погнали на теплоход. Может быть, она приезжала, и уже не застала нас? Мы найдем её? – подняла умоляющие заплаканные глаза на Поля. – Она очень похожа на меня, только на четыре года старше. Ей двадцать. Может быть, сейчас она скрывается от полиции? Нельзя ли куда-нибудь позвонить, узнать?

– Мы найдем, найдём сестру! – с восторгом, что может оказать услугу, что оказался нужен, что теперь будет какое-то дело, которое их свяжет, воскликнул Поль. – Как вас зовут?

–Елена.

«Конечно Елена,– подумал Поль.– Разве ей подошло бы другое имя?»

–А меня Польш,– выдавил он из себя, прокашлявшись. – Сейчас придет Марта. Она живет в поселке, где-то в холмах. От вашего отеля как раз туда идет дорога. Она убирает в комнатах и ведет хозяйство. Мы поедем в город и купим вам одежду.

–Хорошо,– еле слышно произнесла Елена.

От завтрака она отказалась. Польш все же настоял на кофе, в которое добавил изрядную дозу коньяка.

–Меня убьют, если узнают, что я выжила? – неожиданно спросила Елена, отпив немного.

Польш чуть не поперхнулся. К сожалению, ему не пришло в голову раньше, что само существование Елены на острове противозаконно. И теперь понял, лучше никому не говорить, как и откуда она появилась.

–Здесь никого не убивают, – неуклюже стал объяснять он. – А туристов убили из-за удовольствия. Скоро растительность погибнет от холода, и нечем будет кормить детей, оставленных для... Я потом расскажу. Это из-за них, из-за детей.

–Значит, скоро будут убивать и остальных?

Ее вопросы были точными и хлесткими.

– Н-нет, что вы,– у Поля пересохло во рту,– мы не будем делать этого.

–А кто будет делать?

–Никто. Они сами..., ну-у...,– он совсем потерялся.

–Бросите их где-нибудь так же, как те, на катере, бросили нас? Они тоже, наверное, думают, что никого не убивали. Просто потопили баржу. А люди потонули сами. И сами виноваты...!

Рыдания вновь стали сотрясать ее худенькие плечи.

–У кого здесь горе?– с искренним участием воскликнула Марта, женщина лет пятидесяти, полная и низенькая, с рано увядшим, покрытым оспинами лицом, появившаяся на пороге. Она встревожено смотрела то на Поля, будто хотела разгадать его роль в слезах девушки, то на Елену.

–Елена замолчала и, всхлипывая и протирая глаза, повернула голову на голос.

–Это Елена,– неловко представил Польш.

– А меня зовут Марта, – откликнулась та. – Может быть, я могу помочь?

Елена отрицательно махнула головой. Совершенно равнодушно она восприняла приход нового человека и теперь, продолжая всхлипывать, отвернулась к окну, где за противомоскитной сеткой ядовито зеленел куст.

–Как вы справились без меня? О, да у вас отличный завтрак! Но уж обед я приготовлю сама.

Польш был благодарен домработнице за тактичность. Ни тени удивления от присутствия молодой девушки, ни вопросов.

–Нам нужно будет поехать за одеждой для Елены. Она с туристического теплохода. Вы, наверное, слышали? Их высадили на баржу, а она утонула. Вот, выплыла, в чем была. Только об этом никому..., – спохватился он, поняв, что выболтал тайну первому же постороннему.

–Я понимаю, – сразу потускнев, промолвила Марта. Даже не спросила о теплоходе. Наверное, островитяне уже все знали.– Я помогу выбрать что нужно. Заодно и продуктов купим. Кстати, какой размер вы носите?– обратилась она к девушке. – Впрочем, мы возьмем её с собой, не так ли?

–Конечно, конечно,– обрадовался Польш, ибо мысль даже о кратковременной разлуке с Еленой его страшила.

Марта сама протянула руку Елене, и, поддерживая, свела вниз по ступенькам крыльца к машине. Они сели сзади: Елена, туже запахиваясь в халат, и Марта, втиснувшая рядом с собою большую корзину.

У китайского ресторанчика стоял военный патруль, хотя время комендантского часа давно миновало. Два солдата обыскивали остановленную ранее машину.

Сердце Поля сжалось. Ведь у Елены, сидящей на заднем сиденье в одном халате, не было документов. Но поворачивать назад было поздно. С бледным лицом, придумывая отговорки, он свернул на обочину. Офицер, тут же подошедший к машине, отдал честь и внезапно дал знак, что они свободны.

–Вы не будете нас проверять?– еще не веря, что опасность миновала, спросил, приоткрыв дверцу, Поль.

–Нет- нет! Извините за задержку!

Поль проследил за взглядом офицера. Магическое действие на последнего произвела металлическая пластинка на груди, о которой Поль совершенно забыл.

Вначале Марта купила платьице и туфли, которые Елена надела в машине, сбросив тапочки и халат. Затем они уже все вместе прошли в магазин, и Поль с восторгом стал предлагать то одно, то другое, будто хотел приобрести весь магазин. Они взяли и спортивную форму, и несколько пар обуви, и теплые, совершенно не нужные в местном климате куртки, так как Поль все же склонен был верить прогнозу Рэда о похолодании. Елена не улыбалась, но стала заметно спокойнее и даже с интересом примеряла обновы. Хозяин совершенно безлюдного в этот час магазина суетился рядом, радуясь щедрому покупателю.

На обратном пути Поль, выполняя задание, заехал в детскую больницу. Оказалось, что все распоряжения были уже получены только что назначенным директором, молодым, энергичным. Он принял Поля не в закрытом и опечатанном кабинете главврача, а в новом, наскоро переоборудованном из диагностического кабинета (сдвинутые к стене кушетки с какими-то аппаратами, закрытыми наброшенными на них простынями, множество теперь ненужных розеток по стенам).

–Я понимаю необходимость скорейшего выполнения задания правительства. Если у меня появятся вопросы, я сразу обращусь к вам за консультацией, – подобострастно говорил директор, провожая Поля к выходу.

Поль, душа которого пела от одной мысли, что самая красивая девушка в мире ждет его в машине, с таким восторгом, с такой улыбкой распрощался с директором, которого, как и всех встречных, готов был расцеловать, что тот встревожился, не зная, как оценить поведение члена хунты.

УЖАСНАЯ НАХОДКА.

Введи в Ковчег из всех животных
И от всякой плоти по паре, чтоб
Они остались с тобою в живых.
/Бытие, 6:19/

Там, за холмами, уже был день, а здесь, на северной дороге, пробегающей мимо Ковчега вглубь перевала, клочки утреннего тумана все еще сползали с зеленых холмов в узкую долину, цепляясь за лианы, роскошными парусами свисающие с исполинских деревьев. Роса на лугу взрывалась под ногами мириадами бриллиантов.

Поль остановился. Еще несколько шагов, и незнакомая, сказочная жизнь окружит его, и звук редких моторов с шоссе увянет среди ветвей, потеряется за шорохом листьев и звуками леса. Ощущение праздника и беззаботности испытал он вдруг в плотном теплом мареве лесных испарений. Стрекот, певучий восторг птиц, громкое гудение шмеля, сделавшего вокруг Поля несколько спутниковых петель, голубиное гуканье. Жизнь длилась вечно, и должна была длиться, и не могло быть никакого конца.

Детские голоса донеслись из леса. Вздыхнув, Поль направился в их сторону.

– Вы ко мне? – радушно ответив на приветствие Поля, спросил Биолог. – Я поджидаю машины с солдатами. Будем снимать слой почвы вместе с травой. Воссоздадим в Ковчеге кусочек джунглей. А помощники пока ловят насекомых.

Помощники, два малыша 4-5 лет, застыли, сжимая сачки игрушечными пальчиками и глядя на незнакомого дядю темными бусинками глаз. Яркая бабочка в садке, стоящем на земле, прядала разноцветными крыльями.

– Я к вам по делу, – сказал Поль, отряхивая капли росы с брюк. – Мне поручили подумать об исключении паразитарных заболеваний среди остающихся.

– Теперь все мы общаемся только по делу, – вздохнул Биолог. – Но как же вы нашли нас здесь?

– Я заехал к вам домой, и ваш отец очень толково объяснил, где искать.

– Да, нашему дедушке приходится сидеть дома, – застенчиво улыбнулся Биолог, показав великолепные зубы. Маленькая черная борода и очки старили его, лишь улыбаясь, он становился тридцатилетним. – Моя жена умерла недавно, – с не утихшей еще болью в голосе произнес он, – вот и не с кем, кроме дедушки, оставлять сорванцов. Изредка, вот как сейчас, даю ему возможность отдохнуть от внуков.

Поль не знал, что нужно сказать в подобном случае. Он вообще терялся, когда нужно было выразить соболезнование или, к примеру, поздравить с днем рождения. Теперь он молчал смущенно, болезненно ощущая, как росяная влага проникает сквозь кожу модных туфель.

– Папа, смотри какой жук! В какой ящик его положить?

Старший из малышей, сжимающий что-то в миниатюрном кулачке, спас собеседников от неловкого молчания.

– Тебе интересно собирать их? – с облегчением наклонился к нему Поль.

– Ну да! Ведь они же живые и их надо спасти!

– А вдруг они вредные?

– Если он живет, значит не вредный!

Поль опешил от такого простого определения:

– Но ведь бывают кусачие насекомые. А вот крапива, взгляни, она жалит.

– Крапива вкусная, ее все хотят съесть, вот она и защищается иголками. Так папа говорит! – добавил малыш, подчеркнув, что больше нечего и обсуждать, если так говорит папа.

– Между прочим, – я специально приехал сюда, как раз для того, чтобы обсудить возможность попадания в Ковчег вредных насекомых и различной заразы с почвой, которую без обработки вы хотите внести внутрь, – повторил Поль, поднимая лицо к Биологу от малыша, отбежавшего к ящичкам для жуков.

– А что является вредным?

Биолог поднял с земли небольшую стеклянную банку, в которой шевелилось несколько навозных жуков: – Вот, к примеру, священные скарабеи. Без них навоз на полях станет рассадником мух и засохнет в виде убийственной для травы корки. А дождевые черви? За несколько лет они пропускают через свой кишечник весь плодородный слой почвы. Кто знает, какие цепи жизни будут разорваны, если мы уничтожим даже явных, с нашей сегодняшней точки зрения, паразитов. Будет ли рожать пшеница, если сорняки исчезнут вовсе? Не заполнят ли имеющиеся безвредные бактерии опустевшее место после уничтожения всех болезнетворных?

– Однако паразиты, оставленные в Ковчеге, будут угрожать здоровью детей, даже самому существованию будущего человечества. Ведь неизвестно, как они поведут себя в замкнутом пространстве.

– Не могу с вами согласиться, – мягко проговорил Биолог приятным баритоном, взглянув на Поля бархатными чуть косящими глазами. – Будет ли риск меньшим, если мы оставим только то, что посчитаем полезным? И без того потери разнообразностей живого будут колос-

сальными, а если еще и проводить селекцию – не исчезнет ли и человек? Ведь подумайте: даже для поддержания жизни такого паразита как печеночная двуустка требуются поочередно муравьи, кролики, трава и слизняки. Такой страшный, с точки зрения инфекциониста, паразит как анкилостома, помимо вреда, снижая иммунитет, избавляет своего хозяина от астмы и сенной лихорадки. Еще более опасный круглый червь власоглав помогает при язвенном колите. В кишечнике человека трудятся килограммы бактерий, без которых мы не выживем. Откуда же нам знать, без какого растения или паразита будет обречен человек?

«Интересно, а его брат тоже косит?» – почему-то пришла в голову Поля мысль, и он, отвлеченный этой мыслью, ничего не возразил.

Мошкара штопала протискивающиеся сквозь листву солнечные лучи. Запахи сырых трав на лугу, голоса птиц в высоком храме мрачного леса, бриллиантовые вспышки росы – все отмечал и жадно впитывал Польш, будто истосковался за многие годы затворничества по природе. «Разве можно всерьез говорить о спасении такого огромного и удивительного мира», с горечью думал он, переводя взгляд с убогих клеточек и ящичков на мощные корни деревьев, тонкие канаты лиан, низвергавших здесь, на краю полного тайн леса, зеленый листопад в изумрудные волны высокой травы.

– Как бы я хотел теперь стать просто деревом, – с горечью произнес Биолог, – ни тебе страха смерти, ни боли! Зато какой восторг цветения должны они переживать!

– Вы думаете, растения не чувствуют боли? – удивился Польш. Он никогда не задумывался над физиологией растений.

– А зачем им её чувствовать? Разве они могут отдернуть ветку? Разве они могут убежать?

– Естественно, нет.

– В этом случае чувствовать боль не имеет смысла. А значит, не разовьются и соответствующие рецепторы. Их и нет.

– Но вот смерти человек избежать не может, однако её боится!

– Чтобы бояться смерти, её надо предвидеть, – вздохнул Биолог.

Польшу, между тем, сегодня было не до глубоких мыслей и переживаний. И лес, и звуки и запахи его были только прологом, только началом сказки, в заключительном акте которой должна была появиться ОНА.

– Ваши дети прошли медосмотр? – спросил он просто, чтобы поддержать разговор, возвращаясь в будни общения от праздника воображения. Причина его появления на этой лесной поляне уже не казалась ему столь важной, и он готов был распрощаться.

Биолог помолчал. Затем улыбнулся. Криво, невесело: – Вы, наверное, забыли. Специалисты не имеют права оставлять своих детей в Ковчеге.

Мальши, о которых шел разговор, убежали между тем на поляну, откуда доносился теперь их щебет.

– Я забыл, извините, – смешался Польш, – у меня ведь нет детей, вот я и... Что же вы будете с ними делать?

Только закончив фразу, он понял всю бестактность вопроса.

– Работать, – мрачно и совсем не на вопрос ответил Биолог.

– Но почему бы не попросить оставить хоть одного? – неуклюже пытался выкрутиться Польш.

– А вы смогли бы сделать выбор? – с непередаваемой горечью тихо произнес Биолог.

Он стал как бы ниже ростом. И был жалок. Маленький человечек со смешными ящичками. С обреченными детьми. На краю гигантского, роскошного, вечного леса...

По дороге домой, миновав перекресток, в том месте, где в ночь переворота они столкнулись с такси, Польш увидел стоящую у обочины полицейскую машину. Сержант махнул жезлом, приказывая остановиться. Вопреки обыкновению, он не подошел к машине и Польш, подождав

немного, вышел, чертыхнувшись, и подошел к сержанту, который, положив какие-то бумаги на капот полицейской машины, заполнял их.

–Что-нибудь случилось, офицер? По-моему, я ничего не нарушил?

– Извините за задержку! Всего несколько вопросов, – повернулся к нему сержант.

– Слушаю вас.

–Куда вы направляетесь?

–Еду домой.

–Вы живете в этой стороне?

–Да.

–Насколько мне известно, в этой стороне находятся коттеджи для иностранных специалистов?

–Так оно и есть.

–Значит, вы один из них?

–Да.

– А сколько всего специалистов живет там?

–Трое.

–Среди вас есть женщины?

Кровь отхлынула от лица Поля. Некоторое время он молчал, стараясь понять, зачем сержанту нужно знать что-либо.

–Почему вы задаете мне эти вопросы? – проговорил он, наконец, вспомнив о своем статусе члена хунты.

–Только узнать, не пропала ли она, эта женщина?

–У нас никто не пропал! – осторожно проговорил Польш, и сердце его упало.

–Не обижайтесь, – сказал сержант, – неверно истолковав волнение Поля, – я лишь хочу узнать, не одна ли из ваших женщин лежит сейчас здесь. В кустах. Заодно и проведем опознание.

–Опознание кого? – еле провернул пересохший язык Польш.

–Как раз это я бы и хотел узнать. Пройдите за мной, пожалуйста.

Еле переставляя деревянные, негнувшиеся ноги Польш прошел за сержантом через проем в кустах в сторону от дороги. Стрекотала полная живности подсыхающая трава. Из-под ног катапультировались кузнечики. За стеной буйной зелени открылась прекрасная панорама. Отсюда, с возвышенности, виден был океан, заполнивший полнеба, громадное тело отеля на берегу, дорога к нему, идущая справа вниз, к океану, и зеленый луг в долине между отелем и местом, где стояли они с сержантом.

–Вот, взгляните!

У Поля остановилось дыхание. Взвился рой, открыв обнаженное истерзанное тело Елены, лежащее на боку. Часть растрепанных спутанных волос на голове была склеена засохшей кровью, на которую тут же вновь село несколько больших зеленых мух.

–Вы не узнаете ее? – проговорил сержант, переворачивая между тем носком ботинка труп на спину. Будто из-под залежавшегося камня прыснули в разные стороны какие-то жуки, мелкие муравьи разбежались по животу.

– Она лежит здесь около суток. К сожалению, точно сказать не могу. Не можем найти ни одного судмедэксперта. Да и инспектора жду уже битый час. Труп нашел местный охотник из поселка. Ходил здесь с собакой.

Слова сержанта доносились будто сквозь вату.

«Почему около суток», билась лихорадочная мысль в голове у Поля. Ведь он оставил её живой всего несколько часов назад?

И вдруг отлегло от сердца. Ну конечно, это не Елена. Очень похожа. То же безупречное тело. Тот же цвет волос. Такое же болезненно красивое, лишь измазанное кровью и изуродо-

ванное, сплющенное слева, у глазницы ударом какого-то предмета лицо. «Это ее сестра», обожгла внезапная догадка.

–Я никогда ее не видел, офицер! – проговорил он облегченно.

–Преступление на сексуальной почве, – бормотал сержант, разглядывая между тем разбросанные вокруг обрывки одежды девушки. – А вот здесь следы шин. Они приехали сюда на машине. Кстати, вы не съезжали с дороги здесь? – спросил вдруг сержант, сверля Поля глазами.

–Н-нет, – стал заикаться от неожиданности Поль. – Впрочем, в ночь переворота мы возвращались домой и видели автомашину, которая выехала с этой стороны дороги. Но, быть может, то была другая ...?

–Что это была за машина?

–Такси. Фонарь был виден, но он не горел.

–Это неважно. Что вы еще можете добавить?

–Мы чуть с ней не столкнулись. На кузове осталась царапина.

–Покажите!

Сержант буквально бросился к машине Поля, тщательно соскреб остатки чужеродной краски с черного кузова в полиэтиленовый пакетик. Затем записал адрес и телефон Поля.

–А что с телом...? – спросил Поль.

–Должен подъехать эксперт. Он и увезет труп. А вы поезжайте. Когда будет нужно, вас найдет инспектор, – сказал сержант на прощание.

РОСТОВЩИК.

Если бы без физического аспекта нашего существования
цель жизни могла быть достигнута, душа не вошла бы в тело
и дух не создал бы этот материальный мир.

/Хазарат Инайат Хан/

Заливистый лай мелкотравчатой собачонки отозвался на повторный стук в калитку глухих металлических ворот.

Гэмфри еще раз окинул взглядом ряд тянувшихся вдоль улицы, располагающейся в центре поселка крупной местной общины туземцев, глухих деревянных заборов с одинаковыми металлическими воротами и деревянными домами за ними, затем украдкой взглянул в записную книжку, на странице которой крупными буквами (чтобы лишний раз не надевать очки) был записан адрес.

–Я очень давно не был здесь, – сконфуженно проговорил он, увидев, что Ирвин, приехавший вместе с ним за обещанными деньгами, заметил это.

Шаркающие шаги и покашливание с другой стороны ворот, подхалимские повизгивания, звон собачьей цепи. В глухом металле калитки открылось маленькое зарешеченное оконце. Седая плешь, печеное яблоко щек, слезящиеся глазки.

–Кто здесь?

–Это я, – глупо произнес Гэмфри вместо приветствия.

–Вы хотите сделать вклад? – Глазки прищурились.

–Нет. – Гэмфри просунул сквозь решетку пожелтевшую расписку. – В этот раз я хочу забрать свои деньги.

–Так-так, – прошамкал старик, разворачивая листок, вертя его на свету. Наклонился к окошку, подозрительно взглянул исподлобья.

–А кому я должен отдать деньги?

–Да мне же! – воскликнул, волнуясь, Гэмфри.

–А вы что, именно тот человек, который здесь записан?

–Да-да, не сомневайтесь! Да вы же помните меня. В этом году мы как-то встречались в городе и раскланялись. А вот и мой паспорт!

–Конечно, я могу узнать... Ведь внешний вид так похож... Пойдите! Но ведь прошло уже пять лет!

–Наверное, – смутился Гэмфри, – и уже есть какие-то проценты?

–Проценты? Да-а. Проценты есть. Но, боюсь, денег вы не сможете получить.

–Как это? Почему?

–Потому, что вы не тот, кому я должен отдать эти деньги! – отрезал ростовщик.

Последовала немая сцена.

–Но как же так, – пробормотал совершенно сбитый с толку Гэмфри.

– А какие же еще доказательства, кроме паспорта, вам нужны? – глухо и угрожающе проговорил Ирвин.

Ростовщик склонился к дверце еще раз, взглянул на Ирвина оценивающе, пошамкал: – А никаких доказательств не нужно. Пять лет достаточный срок, чтобы договор признать недействительным.

–Что это за новости? – возвысил голос Ирвин.

–А вы не кричите. Все обосновано. Вот вы, верно, тоже выдаете себя за кого-то?

–Что значит «выдаю». Я есть Я, и у меня тоже есть паспорт, и фотография соответствует.

–Чему соответствует? – ехидно протянул ростовщик.

–Мне! – выкрикнул потерявший терпение Ирвин.

–А кто вы есть? Ладно, ладно, – примирительно выставил ладошку, будто защищаясь, ростовщик, заметив выражение лица Ирвина. – Сейчас я кое-что объясню. Давайте поверим, что в настоящий момент вы именно тот, за кого в настоящий момент себя выдаете. Тот, на кого выписан паспорт, лежащий в вашем кармане. Но вы едите, пьете, дышите, наконец. В течение жизни каждый из нас потребляет десятки тонн пищи и воды, вдыхает тысячи кубометров воздуха. И то, что вы потребляете, не проходит насквозь, поставляя лишь энергию для жизнедеятельности. Около десяти процентов съеденного ежедневно идет на обновление организма, остается в вашем теле, заменяя старое, отжившее. А, заметьте, десять процентов ошмёток вашего тела, оставляемого в туалете, есть бывшие вы. Вот где настоящее кладбище! – хихикнул старик. – По истечении года, если быть честным, стоило бы справиться над ним очередную тризну!

–Зачем вы излагаете нам известные школьные истины? Мы пришли за деньгами, а не за лекцией...

–Позвольте мне закончить! Вы же сами не сделали никаких выводов из школьных истин. Так вот, часть выпитой вами сегодня воды, съеденной пищи, потребленного кислорода уже к вечеру останется в вашем организме, а часть нынешнего тела покинет его. И вы уже будете не вполне самим собой! Через месяц тело на четверть заменит съедаемая и вдыхаемая вами материя. А через год лишь изрядно потраченный скелет останется от вас сегодняшнего. И ваш паспорт будет предъявлять субъект, чрезвычайно на вас похожий, занявший ваше место во всем. Но ведь это будете не Вы! Почему-то до настоящего времени никому не приходило в голову обвинить каждого из нас в немыслимом присвоении имени, имущества человека, который был когда-то, но которого уже нет. Если для вас это только философия, то для меня юридический казус. Ведь дело касается денег! Человек – всего лишь куча сумбурных впечатлений о прожитом. Но деньги то я должен отдать телу, а не котомке заскорузлых воспоминаний! А в данном случае человека, которому я должен, уже нет! Да и не мне, в конце концов, а тому, кто был до меня на моем месте, отдавал он свои деньги.

Пораженные логикой слушатели молчали, не зная, как реагировать на слова ростовщика.

–Отдайте мне мои деньги, – тихо, потерянно проговорил, наконец, Гэмфри.

–Да поймите же, наконец! Как я могу отдать деньги тому, кому они никогда не принадлежали? Вы вообще монстр! Взгляните на себя внимательно. Разве вы можете знать, каких бывших ужасных тварей составляло нынешнее ваше тело!

–Вы еще больший монстр, нежели мы! – угрюмо вставил сбитый с толку Ирвин. Было жарко, пыльно, потно перед раскаленным металлом ворот.

–Ну, хорошо, – изменил тон старик. – Может у вас есть заверенная доверенность пятилетней давности от жившего тогда индивида, что он доверяет человеку, который предъявит его паспорт и будет походить на него самого вплоть до рисунка на пальцах, получить за него деньги через любой промежуток времени?

–Кто же выдает доверенности самому себе? Да и кому он должен доверенность адресовать? Ведь и вы, по вашим словам, не тот, кому прежний, пятилетней давности, давал деньги! – выкрикнул потерявший самообладание Ирвин, отодвигая Гэмфри от металлической дыры и заглядывая внутрь.

–Ну, знаете, надо все предусмотреть. Особенно в таком быстроменяющемся мире. Вот я гляжу на вас, и ведь какая иллюзия постоянства передо мною! Но стоит только задуматься, и сразу задаешь себе вопрос: кто же под весьма похожей на прежнего личиной на самом деле, вот этот, подделавшийся под бывшего человека?

Сухим коричневым пальцем ткнул он в сторону Ирвина, и тот опешил, и невольно опустил глаза, и оглядел себя, будто действительно желая увидеть чудовище.

–И это не только к вам относится! вспомните собственную мать! Вы не могли видеть, как быстро меняется ее тело, но все более чуждому существу вы протягивали руки из младенческой кровати! Впрочем, согласен, и я сам такой! Помню, бегал мальчиком по этому двору, и смотрел на огород, на птиц то одним, то другим глазом, но не двумя сразу, чтобы подольше сохранить зрение. Правда, не помогло. Но разве это я нынешний бегал тогда? Нет и нет! С тех давних пор десятки раз сменил я собственное тело, ничего при этом не заметив, так как память о прежнем существовании бережно передавалась заменяемым деталям. И воспоминания о детстве всего лишь галлюцинации потрепанного долгим существованием и бесконечными сменами материи мозга...

–Удивительно, как вы можете заниматься своим делом и как вас еще не бросили клиенты, если вы отказываетесь отдавать долги? – прервал излияния старика Ирвин.

–В последнее время никто не давал мне денег на такой срок, после которого он уже не мог на них претендовать.

–Значит, вы только недавно придумали подобное обоснование для присвоения чужих денег?

–Ничего я не придумывал. Беседы с Учителем привели меня к такому заключению. И я верю, что только камни в почках, да еще, быть может, искусственная челюсть могли остаться у данного господина от прежнего тела того индивида, который оставлял деньги.

–А не подойдут ли пломбы в зубах? – наивно вымолвил Гэмфри наклонившись к окошку.

–Не знаю, что там говорил неизвестный мне учитель, – отодвигая Гэмфри злобно прошипел Ирвин, – но если вы не отдадите деньги немедленно, я вас задушу! И забор не спасет! А следуя вашей логике, уже через месяц мне нельзя будет предъявить обвинение. Ведь это будет уже другой человек, который ко мне нынешнему не будет иметь никакого отношения.

–Что вы говорите? – вскричал пораженный ростовщик. – Но ведь я прав. И, отдавая деньги, буду действовать незаконно? Ведь он, – ростовщик указал на Гэмфри, – он никто! Он не собственник денег! А если он и является собственным наследником, так это еще надо доказать в суде! Ведь тот, кто отдавал деньги, действительно не оставил доверенности на этого, присвоившего и паспорт его, и тело!

–Но он, и я это хорошо помню, желал, чтобы вы отдали деньги, когда они ему..., то есть мне понадобятся! – выкрикнул Гэмфри, выглянув из-за спины Ирвина.

–Ваши воспоминания надо бы чем-нибудь подтвердить, – задумчиво, после паузы ответил ростовщик. – Давайте я подумаю и соберу такую сумму. А вы приходите через день-два, и мы попытаемся выйти из положения.

–Так бы и сказал, что сейчас нет денег, – зло проворчал Ирвин, остервенело, почти разрывая, протаскивая сквозь прутья решетки возвращенную расписку.

В молчании они отъехали два квартала, повернули к городу и вынуждены были остановиться, так как дорогу в самом центре поселка, где стояло единственное, наверное, на острове жилое девятиэтажное здание, построенное еще колонизаторами, перекрыла толпа. Ирвин, не желая больше потеть, остался в машине, а Гэмфри подошел к горе домашнего скарба, очевидно вынесенного подальше от здания и лежащего теперь на обочине в тылу толпы.

–Что здесь происходит? – обратился он к старику, понуро сидящему на стуле рядом с вещами.

–Вот, община решила разрушить здание, – грустно проговорил тот. Черные потухшие глаза, запущенное, в глубоких морщинах, давно небритое лицо под полями соломенной шляпы, широкие и грязные на помочах штаны.

–Но зачем? – воскликнул Гэмфри. – Ведь даже в городе нет ни одного здания выше двух этажей, за исключением Дворца! А этот смотрится издали очень красиво. Единственное здание с водопроводом и канализацией! Да еще в рыбацком поселке, вдали от цивилизации. Жаль, что оно у вас всего одно.

–Жаль? – неожиданно гневно воскликнул старик. – Хорошо, что не успели построить больше!

– Разве плохо иметь квартиры со всеми удобствами? – вскричал Гэмфри, – не то, что эти домики, с туалетами на улице...

– Это не дом! Это гроб, жить в котором стремятся недалекие люди!

–Как гроб? – вконец опешил Гэмфри, – почему?

Старик молчал некоторое время, астматически дыша.

– Поначалу я был горд, когда лет тридцать тому назад, фирма, управлявшая портом, подарила мне квартиру. Я смотрел на других, оставшихся в халупах, свысока. И лишь позднее понял, какой грех совершил, поселившись здесь. Люди строят такие дома, чтобы вымереть.

–Но я тоже жил на материке в подобном доме! И в городах сплошь такие дома.

–Сколько детей было в вашей семье?

–Я был один.

–Вот и у меня всего один сын.

–Но какое отношение это имеет к вашей квартире?

–Самое прямое. Вот у моих друзей, – кивнул старик на толпу, сгрудившуюся вокруг невидимого оратора, – по несколько детей. Ведь в частном доме ребенок помощник. Как только повзрослеет – труженик. А в старости и кормилец. По нашим законам младший ребенок вообще не имеет права уходить от родителей, так как обязан присматривать за стариками. Дети –самое большое богатство! Если в сельской семье всего один ребенок, её считают неполноценной. А на бездетных и вовсе показывают пальцем.

–Но какое отношение это имеет к дому? – нетерпеливо повторил Гэмфри.

–В этом улье, – презрительно махнул рукой в сторону своего бывшего дома старик, – ребенок уже не помощник, так как никакого хозяйства в квартире быть не может, а крикливый квартирант. То, что тратилось только на себя, теперь расходуется и на него. Это конкурент, отбирающий жилплощадь, деньги и время. Больше двух детей в таких условиях могут себе позволить только неадекватные люди. Повзрослев, дети уходят, так как жить вместе в одной квартире невозможно. В общине же дети строят себе дом рядом с родительским. Вот я и вынужден доживать жизнь в одиночку на пособие. У деревенских-то пенсий нет, потому и дети чувствуют ответственность за стариков. А нам какой смысл растить детей, если они все равно

уйдут, и забудут обо мне, полагаясь на помощь государства? Вот если бы пенсионные отчисления от заработка выросшего ребенка перечислялись тому из его родителей, кого он укажет, то женщины стремились бы рожать и воспитывать трудолюбивой свою будущую пенсию.

–А как же второй родитель?

–Первый бы с ним делился. Вот и разводов было бы меньше, да и алименты были бы вложениями в будущее.

–Говорите, сейчас нет смысла иметь детей, а сами все же воспитали одного.

–Ну, одного ребенка обычно заводят по инерции. В детстве он был болезненным, и страшно вспомнить, сколько сил было положено, чтобы выходить его, поставить на ноги. Вы же понимаете, если ребенок один, то приходится растить любого, даже генетически неполноценного, который в свою очередь в лучшем случае даст такое же неполноценное потомство. Так вот, вырос наш мальчик совершенно инфантильным. Эгоистом до мозга костей! Ведь у него не было братьев и сестер, ему не о ком было заботиться. Все решения за сына принимали мы. Жена бегала вокруг него как клуша вокруг единственного цыпленка, хотя меня это бесило. А теперь, когда он вырос, я вообще не вижу в нем ничего человеческого. Вот уехал за океан, связался с какими-то бандитами... Э-эх! – махнул рукой старик.

–Но не у всех же так, – заметил Гэмфри.

–Да практически у всех, кто живет в этом доме! Детей мало и сплошь либо больные, либо наркоманы. Потому я и говорю, что этот дом – гроб. Можете сами посчитать, когда все живущие в нем семьи вымрут естественным путем. У правнуков накопятся и генетические болезни. Все это происходит в каждом подобном доме! В любом городе мира! Раньше деревня постоянно поставляла вымирающему городу новых жителей. А теперь и крестьяне от безработицы сбежали в города, и громадная человеческая матка – деревня – опустела. Государство, которое не поддерживает деревню, не сохраняет её, управляется дураками и исчезает. Город не годится для такого животного, как мы с вами. В города уходят не жить. В них идут вымирать!

Последние слова он выкрикнул, так что некоторые из задних рядов толпы оглянулись на беседующих.

Старик опустил голову. – Мы с женой, как это ни больно, на сыне и закончим земной путь. Не думаю, что он будет иметь потомство. Но для чего, в таком случае, я жил? И зачем мне нужна была семья? Прожил бы жизнь один, ничем себя не утруждая, а там и трава не расти!

–А что, ваша община уже вымирает, если вы предпринимаете такие радикальные меры?

– Мне кажется, пока все нормально. Но наш староста мудрый человек. Да и что это за политик, который не старается предвидеть развитие общества лет на сто вперед и не работает для того, чтобы это время приблизить? Он сравнил жизнь тех, кто живет по старинке, в селе, и тех, кто жил в этом доме. И решил, что остановить деградацию гораздо важнее, чем поднимать экономику и бороться за торжество демократии. Если не будет потомков, кто воспользуется нашей землей? Нашим имуществом? В гробу ведь карманов нет!

– Нужны дети, которым оставишь эту землю, – поддакнул Гэмфри с выражением.

– Но для этого нужно воспитать родителей! Сделать так, чтобы они желали детей! Вот и начал наш староста с того, что запретил смотреть телевизоры. Вы, верно, видите, ни одной антенны над домами?

–Только теперь обратил внимание. Но зачем? Ведь таким образом вы отсекаете своих детей от остальной цивилизации!

– А телевидение оно что, чему-нибудь учит? Насмотрелся я за свою жизнь. Потакают самым низменным страстям, лишь бы привлечь внимание к рекламе, дающей деньги.

–Но лишение человека информации является нарушением его прав!

–Староста сказал нам, что морально все, что способствует сохранению и приумножению жизни. Телевизионное же распутство ведет к распаду семей, а без семьи какие могут быть дети? Прежде, чем настаивать на правах, человек должен исполнять обязанности. Он обязан

продлить свой род, иначе нарушит права остальных, уменьшив количество молодых для размножения. Он обворует их, заставляя чужих детей содержать его в старости. Так что права человека, оторванные от обязанностей, на поверку оказываются правами мошенника и вора!

Помолчали некоторое время, прислушиваясь к громким голосам ораторов, конвейером сменяющих друг друга.

От толпы отделился седой мужчина, в отличие от полуголых островитян в европейском костюме, и неспешным шагом приблизился к Гэмфри.

– Это наш староста, – с почтением в голосе представил его с натугой поднявшийся со стульчика старик.

– Вы к нам в гости? – произнес староста, с тревогой поглядев на металлическую пластинку на груди Гэмфри.

– Мы проездом. Вот беседуем о сохранении человечества на примере вашей общины.

– Вам уже обо всем рассказали?

– Только о домах. А у вас что, есть еще идеи сохранения населения?

– Есть. И я не боюсь свое мнение высказывать!

– Ваши подходы так своеобразны, – польстил ему Гэмфри.

– Самые обычные. Мы потеряли много людей из-за их отъезда на заработки на материк. И еще раньше. Во время борьбы за свободу. Дома пустуют до сих пор. Я продолжил кривую уменьшения нашего населения до логического конца, и решил, что главная моя задача – остановить вымирание.

Шум, крики привлекли их внимание. Двое молодых мужчин довольно грубо тащили за руки из подъезда упирающуюся полную средних лет модно одетую женщину. В толпе слышались угрожающие выкрики, взметнулись кулаки.

Протащив женщину мимо толпы, парни буквально швырнули её в сторону дороги, отчего та еле устояла на ногах.

– Кто эта женщина? – воскликнул Гэмфри.

– Это врач, – пояснил старик, – гинеколог.

Женщина, между тем, подошла к старосте.

– Что, добился своего? – выкрикнула она зло.

– Скажите, пожалуйста, что случилось? – обратился к ней потрясенный Гэмфри.

– А вы спросите у него! – указательный палец ткнул в грудь старосты, отчего тот покачнулся. – Я только желала, чтобы наши женщины рожали здоровых детей! – вскричала врач, увидев металлический знак на груди Гэмфри и воодушевившись.. – Еще древние греки бросали физически неполноценных в пропасть. У нас много врожденных уродств среди новорожденных, и при любой патологии беременности я советовала сделать аборт. Меня же за это выгоняют из общины, да еще и отобрали все имущество!

Две женщины, подошедшие из толпы, взяли гинеколога за руки и, несмотря на её слабое сопротивление, повели к дороге.

– Это правда? – воскликнул Гэмфри, обернувшись к старосте, – то, что говорит эта женщина?

– Она вынуждала беременных делать аборт, так как зарабатывала на них, а вовсе не думала о здоровье детей. Мы расценили это как подстрекательство к убийству. А содержателей притонов побиваем камнями. Возродили древнюю традицию. Ведь они вовлекают в проституцию, и эти сорные женщины и сами выбывают из процесса восстановления рода, и подрывают культ семьи. А без семьи – как и зачем иметь детей?

– Вы нарушаете права человека многими своими решениями! – осторожно прокомментировал Гэмфри.

– Что есть права человека, как не его потребности, им же эгоистически возведенные в культ! Да и кто провозглашает эти права? Бог? Или человек сам себе их присваивает? В таком

случае права человека есть лозунг эгоиста и хама! – возразил староста. – Община наша под влиянием насаждаемого извне образа жизни спивается и вымирает. А члены её относятся к этому так спокойно, будто им ввели наркотик. Как биолог по специальности, могу привести пример. Токсоплазма, заражая мышь, заставляет её становиться самоубийцей. Мышь сама ищет кошку. Так и люди в ваших городах вымирают, и хотя бы один задумался над причиной. Может и они поражены токсоплазмой? Приходится решать: либо мы выживем, попирая некоторые из прав человека, либо на земле останутся существовать только права. Но без нас, людей.

– Но все же, – не мог успокоиться Гэмфри, – откуда у вас, к примеру, такая практика, изгонять некоторых из общины.

– Так практиковали наши деды в прошлом, – скромно произнес староста, – да и теперь другого пути избавиться от проводников вашей культуры, вашего образа жизни, от тех, кто становится в результате нашим врагом, не видим. Да и стоит ли нас осуждать, – хитро сощурился он, – Ведь мы так и остались варварами.

– Так говорить нельзя. Какие же вы варвары?

– Понимаю, что это не политкорректно, – отмахнулся староста.

– Но зачем вы избавляетесь от культуры. Разве культурный человек может быть вашим врагом?

– Это зависит от того, чья это культура!

– Мы современные цивилизованные люди и культура наша – это культура демократического общества!

– Но демократия – это масса, это равенство всех людей, это тирания большинства. А культуры основываются на неравенстве, на единичности, уникальности человеческих талантов. И вот в столкновении интересов победила ваша цивилизация. Она надругалась над культурой! Леди с вуалью в театральном кресле превратилась в девку у шеста. К примеру, возьмите кино. Главное в нем прибыль. Вот и удовлетворяют вкусы наибольшей массы населения. А она, эта основная масса, есть наименее воспитанная, наименее моральная часть общества. Потому кино опускается до этой массы, все время снижает планку интеллекта, показывает, и тем учит молодежь преступности, насилию, извращениям, варварскому потреблению. Массовая псевдокультура принизила, опошшила внутренний мир демократического человека. Вы смотрите телевидение?

– Его дней десять, как нет на острове. Берегут электричество.

– А я и не знал. Ну да это временно. Затем вновь появится реклама, со своей неестественной моделью потребления. Ведь реклама посредник между производителем, который для реализации своих услуг и товаров формирует у слушателя какую-нибудь избыточную, неестественную потребность, побуждает к новому виду наслаждений, ставит в зависимость от ненужных вещей и действий, побуждает к экономическим затратам. Гнусный обман и ограбление слушателя. Да вот взгляните на вынесенные из квартир вещи. Больше половины из них использовались единожды, и если их выбросить, собственник этого и не заметит. Так для чего он их покупал?

А ведь избыточное расходование богатств земли подрывает саму основу будущей жизни на планете. Вот, к примеру, многие в ваших странах получают неоправданно большое вознаграждение, десятки миллионов долларов в год. Разве имеет это количество денежных знаков отношение к труду, таланту, трудолюбию? На разумное потребление человеку столько не нужно. Значит, чрезмерным, варварским потреблением он уничтожает ресурсы планеты, которые принадлежат всему живому. А кто дал право какому бы то ни было государству или человеку лишать нас, остальных, жизни? Американская мечта преступна! Преступно любое общество, которое ведет к вымиранию человечества. Да и их граждане, уважаемые господа, приезжавшие к нам туристами, тоже были преступниками. Богатый человек хуже убийцы. Убийца убьет одного, этот испортит землю для тысяч. За урон, нанесенный вашими соотече-

ственниками всему живому на Земле, нужно бы проклясть даже глину, в которую они, наконец, превратились! Я бы принял мировой закон, по которому некоторые объекты: лес, земля, вода, дикие животные, предметы культуры и культа – вообще бы не могли продаваться. За любые деньги. Создать класс безденежных отношений. Потому что сохранение человечества невозможно оценить в деньгах, а потому власть денег нужно ограничить.

– Вы что же, хотите остановить всю промышленность? Закрыть банки? Но это возможно, если только поубивать собственников!

– Я не призываю к физическому уничтожению. Природа отомстит им сама! Чрезмерный эгоизм приводит к снижению деторождения и вымиранию.

– Я инженер, и думаю, что сегодняшнее расточительное производство и потребление просто этап в развитии цивилизации. Скоро появятся другие, более щадящие экологию механизмы, изменится образ жизни...

– Да-да! – подхватил староста. – Это когда нас заменят роботы. Не нужны станут украшения, перестанут уничтожаться леса, животные. Но роботам не будем нужны и мы!

– Ну а деятели культуры, разве они...

– А ваша «культурная элита», – прервал староста, очевидно найдя собеседника, на которого можно было излить накопившееся на душе, – не имея идеи, которая бы заменила теряющего влияние на ваши умы Бога, придумывает химеры, наполняют умы молодежи патологией. Мне смешно, когда смотрю на гей-парады, проповеди политкорректности, уничтожение национального духа и традиций. Мне грустно, когда эту гадость смотрит наша молодежь.

– Потому-то вы и запретили телевидение?

– Я запретил упадочную мораль вашей безответственной интеллигенции. Вы и не заметили, как поменялись местами с нами, и теперь, чтобы не вымереть, нуждаетесь в культуре нашей. Я не против. Учитесь у нас. Вот у этих рыбаков, – показал староста на толпу, обратившую к ним головы. – Наши люди просты, бесхитрольны, щедры, любят детей, всегда готовы помочь. Они еще не приемлют преступный образ жизни, не имеют толерантности к однополый любви. Да и как человеку с вашей свободой, с вашим отношением друг к другу можно рожать и воспитывать детей? Ваша культура ведет вас к вымиранию, и я не хочу, чтобы в трясину самоубийства вы заманили и нас. Я обязан защитить от её тлетворного влияния наш наивный народ. С такой же решимостью, как ограждают детей от педофилов!

Староста вдруг схватил Гэмфри за пуговицу, притянул к себе и зашептал трагически: – И еще одна мысль не даёт покоя. Один молодой рыбак признался мне недавно, что с детства хотел бы иметь ванну, теплый туалет, и поесть досыта. Он очень трудолюбив, у него четверо детей. И вот, предвижу я, когда он, приняв, наконец, ванну и отодвинув тарелку скажет: – «Теперь я сыт. Чего же мне хотеть еще?» произойдет страшное. Он и его дети вырождаются в вас, в ваших безнравственных детей, так как на овладение настоящей культурой нужно время, условия и желание, чего я реализовать не смогу. А без собственной культуры не может человек найти достойного смысла. Ну, а если у человека нет смысла жизни, достижение которой делало бы его счастливым, он попытается добиться ощущения счастья любой подделкой. Хотя бы с помощью наркотиков. Я предвижу рост преступности, пьянства, распушенности! Распадутся семьи. Я боюсь даже пока утопичного социализма, как его представлял себе Маркс. Если при капитализме рост потребительских appetitов внушал мысль – потреблять, потреблять, потреблять, и большинство населения посвящало этому всю жизнь, то истинный социализм, который должен освободить человека от отчужденного труда, даст человеку свободу. Но чем займет свободное время рядовой обыватель? Когда цель жизни исчезает, люди вымирают. Зло таится внутри нас. Ведь нет нам ответа с небес, для чего живем!

Староста отпустил пуговицу и завершил с отчаянием: – Еще хуже будет, если от бессилия совладать с вашей развращающей культурой, молодежь наша уйдет в леса, станет терактами, этими жестами бессилия, защищать мир своих отцов...

– Безличное распределение пенсий действительно испортило население, – прокомментировал Ирвин рассказ вернувшегося в приятную кондиционную прохладу кабины Гэмфри. – Если ребенок становится невыгодным, его, как и любой продукт, перестают производить. На камне, который взгромоздят на земной шар, будет написано: "Здесь вымерло ставшее экономически невыгодным человечество!"

– А староста, – мечтательно произнес Гэмфри, – по-моему, мудрее любого европейского политика.

– Какой ныне толк от его предвидения, – вздохнул Ирвин, – если уже завтра...

Когда они отъезжали назад, желая миновать толпу переулками, раздался грохот молотов на крыше здания, звон, крики и звуки там-тамов, а в воздухе заискрилась веселая, нарядная стеклянистая пыль.

ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ.

...Беспечно веселясь над Гангом и над Сеной,
Не видят смертные, что наступает срок,
Что дулом гибельным нацелясь вглубь Вселенной
Труба Архангела пробила потолок.
/Ш. Бодлер. Пляска смерти/

День независимости праздновался в этот год как никогда скучно, если верить словам Гэмфри. Не намечалось ни военного парада, ни торжеств во Дворце. Все происходило стихийно, как бы только по инициативе снизу. Балкончики 2-3 этажных деревянных домов, лентами живых цветов опоясывающие улицы, украсились еще и флагами, гирляндами, бумажными змеями. На берегу в прибрежном парке у развалин крепости рядом с позеленевшими древними пушками играл оркестр. Торговцы, пользуясь случаем, раскинули свои палатки прямо на аллее, тянувшейся вдоль моря, что в обычные дни было запрещено. К вечеру толпы празднично наряженных островитян с детьми высыпали на улицы, умытые кратковременным слепополуденным дождем.

Поль шел вдоль набережной, направляясь в ближайшее кафе. Свежий морской воздух, напоенный ароматами множества незнакомых ему варварски роскошных цветов приморского парка, казался особенно восхитительным после нескольких часов проведенных в душных кабинетах Дворца. Конечно, он много бы дал, чтобы оказаться теперь дома. Марта уже, наверное, ушла, и... далее он не мог себе представить, насколько сладостными, но в то же время и сложными были бы мгновенья рядом с Еленой.

Встреча с сержантом выбила Поля из колеи. Под благовидным предлогом отозвав Марту на улицу, он коротко рассказал ей о сестре Елены. Марта охнула, побледнела и обхватила голову от ужаса. Поль было пожалел о том, что сообщил ей такую страшную новость, но и поступить иначе не мог. Марта все равно узнала бы о находке от жителей поселка и могла рассказать затем об этом Елене. Кое-как успокоив Марту, он попросил её никому не говорить о том, кого именно нашел охотник. Пусть у Елены теплится надежда найти сестру. Надежда давала ей силы пережить гибель близких, и бесчеловечно было лишать её этой надежды.

Но сегодня вернуться домой рано не удавалось. Рэд и поужинать-то отпустил его всего на полчаса. Поэтому Поль позвонил и попросил Марту остаться на ночь с Еленой. Для ночлега ей можно было воспользоваться надувным матрасом, который он купил в первые дни своего пребывания на острове для плавания, да так и не воспользовался ни разу.

Поздно ночью, уже возвращаясь из Ковчега и проезжая через город, он, спеша домой, не мог, тем не менее, не остановиться, увидев феерию, буйный карнавал в приморском парке. Оставив машину в переулке, прошел к берегу.

Южный темперамент жителей вылился в захватывающий праздник. Зажглись гирлянды цветных фонарей. Среди фантастического буйства цветов и благоухающих деревьев крутились переливающиеся огнями колеса обозрения и ярко раскрашенные карусели. Гремела музыка, а за уютными столиками бесчисленных кафе рекою лилось шампанское. Мальчишки с визгом шныряли среди пестрой толпы, а шуты в балаганных костюмах и с раскрашенными лицами прямо на асфальте демонстрировали свои фокусы. В заливе на судах зажгли огни, и они мириадами светлых брызг отразились в теплой воде. Загорелые стройные полуобнаженные островитянки игриво сквозь темные прорези масок заглядывали в лицо Полю, который чувствовал, как захватывает его это безудержное веселье, эта какофония звуков и завораживающих картин бьющей через край жизни.

А в конце весь берег взорвался шумными петардами и красными, синими, желтыми разрывающимися в тысячи ярких звезд огнями фейерверка. Громкие крики радости и восторга создавали звуковое оформление кульминации праздника.

Но отрешенно смотрел на это выскользнувший из толпы во тьму переулка Поль. Он вспомнил Ковчег с тысячами замурованных в нем и обреченных, как он уже догадывался, строителей, в тусклом свете временного освещения работающих среди мрачных стен. Представлял жуткую пустоту кают расцвеченных огнями судов; пустые склады, где обычно хранились запасы продовольствия для жителей города, и этот пир во время чумы причинял ему теперь почти физическую боль. Среди масок на берегу в этой генеральной репетиции конца его жадный взгляд подсознательно искал Красную Маску смерти.

Надрывность сквозила в наружном веселье, гримаса сквозь улыбку, стон сквозь смех. Даже праздник был уже болен.

Исчезла страна, независимость от которой праздновалась. И пришла пора исчезнуть самим добившимся независимости, которые еще веселились самозабвенно, не замечая, что ТЕМНОТА за пределами освещенного праздником и иллюминацией мира простиралась не до ближайшей земли. Она простиралась до звезд.

ВИЗИТ.

Слова из уст мудрого – благодать,
а уста глупого губят его же;
Начало слов из уст его – глупость,
Конец речи из уст его – безумие.
/Екклесиаст, 10; 12,13/

Его ждали.

Войдя в гостиную и утонув в ковре, Ирвин первым делом увидел теневой иероглиф морщин на лысине Гэмфри, сидевшего за круглым столом собственной работы спиной к двери. Лицом же к вошедшему, расположившись вокруг стола, сидели трое молодых людей студенческого возраста. Под веселым светом разноцветных лампочек самодельного абажура искрились стаканы на столе, однако настороженные взгляды гостей выдавали их бутафорность.

– Вот и мой товарищ, – представил Гэмфри бесцветным голосом, не поворачиваясь и не приветствуя вошедшего. Ему было неудобно, что он не смог предупредить Ирвина по телефону о том, какие именно посетители ждут его, и теперь чувствовал себя предателем.

– Мы приехали не рассуждать о политике. Мы приехали действовать! – не представляясь, обратился к Ирвину вставший со своего места высокий и худой юноша с усиками и удлиняющей лицо бородкой на длинном аскетическом лице. От взгляда его близко посаженных глаз у Ирвина зачесалась переносица.

–Здравствуйте, – сказал, как плюнул, только один из них, толстячок с лысиной, похожей на тонзуру.

–Примите мои поздравления с Днем Независимости, – ровным тоном проговорил Ирвин.

– Мы узнали о существовании Ковчеге от вашего коллеги, врача, – продолжал худой, игнорируя поздравление. – Потому мы здесь. Вам остается только ответить на некоторые наши вопросы.

Встретившись с рассеянным и равнодушным взглядом Ирвина, он осекся.

Ирвин прошел на свободное кресло, стоящее у камина, и сел, с удовольствием вытянув ноги. Он не испытывал ни тревоги, ни удивления. Неожиданный звонок Гэмфри даже обрадовал его, отвлек от гнетущих мыслей. В последние дни он потерял способность улыбаться. Кипение жизни в райском саду он воспринимал лишь как бесконечное дурное и потное лето. Все жило, но где-то далеко этот мир умертвил его дочь, и стал его врагом. Стал врагом весь, с океанами, птицами и людьми, и не мог уж больше запугать.

–А я-то думаю, чья это машина перед домом нашего друга Гэмфри? Кто ещё, кроме специалистов и военных, может достать бензин в наше время, – произнес Ирвин таким ледяным тоном, что было ясно, плевать ему было на машину. – Так что же вас интересует?

–Эти молодые люди представились коммунистами и требуют разъяснить им устройство Ковчеге, –предупредительно проговорил Гэмфри.

–Зачем вам знания, которыми я не хочу делиться?– сквозь зубы проговорил Ирвин.

Вместо ответа один из гостей, молодой человек в скрипящей кожанке, вынул из кармана пистолет, поднялся, отставил стул поближе к двери и сел там.

– Вы не выйдете отсюда, пока не ответите на наши вопросы,– заносчиво произнес он, поигрывая пистолетом. Тонкие черты лица, изящные очки на носу выдавали выходца из интеллигентной семьи, надевшего на себя совершенно не подходящую маску грубого представителя пролетариев.

–Вы создаете нерабочую обстановку,– сказал Ирвин. Происходящее вызывало у него раздражение.

–Не обижайтесь,– вмешался бородатый, в котором Поль узнал бы Большевика,– не для себя стараемся. Мы знаем что, как это не прискорбно, мир наш гибнет, и для спасения от радиации и холода продолжателей рода людского определенное количество детей думают оставить в Ковчеге. Эта информация никуда от нас не уйдет. Нам это не выгодно. Даже наши семьи ничего не узнают. Поэтому можете не волноваться. Вам ничего не грозит за разглашение тайны.

–Вы идеалист, если верите в спасение детей – буркнул Ирвин. Происходящее развлекло его. Он был даже признателен пришедшим.

–Мы материалисты!– обиженно воскликнул третий гость, толстяк.

–Материалисты тем более не должны действовать из каких-то идеальных побуждений.

– Да, нас действительно интересует Ковчег, подтвердил Большевик. – Но только потому, что в обществе, в котором отсутствует равноправие, не может быть Справедливости. Мы уверены, что в Ковчеге останутся семьи офицеров. Если же там и будут дети, то только дети богатей и тех, кто прорвался к власти. Вы согласны со мной?

– Этот вопрос не в моей компетенции.

– Ну а мы уверены в этом! И этого не допустим! Сохраним генофонд истинных пролетариев. Подыщем детей рабочих порта, заводов и беднейших крестьян, соберем их в определенном месте, чтобы в нужный момент... Впрочем, это вас не должно интересовать. Главное, в состав воспитателей мы не войдем. Может быть, кто-то будет выбран по жребию, чтобы организовать в Ковчеге коммунистическое воспитание подрастающего поколения. Но чтобы отвести любые подозрения в корысти никто из Центрального Комитета или карающих контрреволюцию органов не будет участвовать в жеребьевке.

Стальной взгляд серых глаз.

«Этот не совет, – подумал Ирвин, – он помешан на идее. Впрочем, как представитель любой секты.»

– Комиссия отбирает детей по единственному критерию – данным медицинских и генетических анализов, – вслух произнес Ирвин. – Впрочем, я могу ошибаться в терминах. Главное, дети поступают на комиссию под условными номерами и ...

– Все равно вы протащите в Ковчег детей верхушки общества!

– У верхушки на острове не наберется столько детей определенного возраста.

– Вы просто хотите прикрыть своих работодателей и лжете нам!

– Давайте выпьем кофе! У меня прекрасный кофе, только недавно с материка! – Гэмфри, сказавший это, вскочил с места и, не дожидаясь реакции присутствующих, скрылся на кухне, откуда почти сразу послышался треск и бульканье кофейного автомата.

Обстановка разрядилась.

– Почему вы так настроены против коммунистов? – уже спокойным тоном поинтересовался Большевик у Ирвина. – Ведь мы выступаем и за ваши интересы в том числе. Вы наемный работник, не так ли? Пусть высокооплачиваемый, но наемный. Следовательно, ваши работодатели так или иначе присваивают прибавочную стоимость, которая получается в результате вашего труда. Воруют у вас ваш доход. Мы же против любого угнетения и несправедливости!

– А я вовсе и не против идеи равноправия и справедливости.

– Так почему же вы не становитесь нашим сторонником на деле?

Появился Гэмфри, поставил первые принесенные две чашки на стол, сделал приглашающий жест и ринулся на кухню за другими порциями. Вскоре все сидели за столом как добрые собеседники. Последним пристроился Гэмфри, украдкой встревожено поглядывающий на присутствующих.

– Один из моих друзей, архитектор по профессии, создал шедевр градостроительства и широко рекламировал его, – проговорил Ирвин задумчиво, помешивая ложечкой. – На ватмане были изображены великолепные здания, квартиры были распланированы очень удобно, вокруг домов располагались цветники. Имелся лишь один дефект, с которым никак не могли согласиться его оппоненты. Ни в зданиях, ни вне их не было предусмотрено туалетов, которые, по мнению автора, нарушали строгую красоту архитектурного решения, опошляли его. Автор доказывал правильность собственного мнения, пока не попал в психиатрическую клинику. И я думаю, друзья мои, не является ли здание коммунизма таким же шедевром, в котором, при всем его великолепии, невозможно жить обыкновенным людям.

– Что вы хотите сказать? – забеспокоился Комиссар.

– Маркс показал, что в результате труда появляется прибавочная стоимость, которая распределяется несправедливо. И вот ради достижения справедливости пролились реки крови. Должен признаться, что и у меня в свое время появлялись слезы на глазах от такой святой идеи, как Справедливость, отсутствие эксплуатации...

– Ну, уж вы никак не похожи на коммуниста, – сухо прервал его Комиссар.

– Да! Не коммунист. «Если до 25 человек не был левым – у него нет сердца, если же он и после 25 остался левым – у него нет головы», сказал Бернارد Шоу. Вот и я решил, вслед за многими умными людьми, поразмыслить о недостатках такого узкого подхода к справедливости.

– В чем же вы видите недостатки?

– Коммунисты были озабочены лишь тем, как поделить. А вы не задумывались, какими мотивами руководствуется тот, в итоге работы которого и появляется прибавочная стоимость?

– Наверное, чтобы заработать деньги и быть богатым.

– А почему после всех мучений и рисков, после создания рабочих мест он должен в результате получать столько же, сколько и тот, кто ничего не хотел делать, ничем не рисковал, не имел даже достаточно интеллекта, чтобы организовать дело, а просто пришел и стал

работать? Так и осёл, что тащит повозку, делает больше, чем сидящий на повозке хозяин, но почему-то никто не защищает его право на равное распределение прибыли?

– Не нужно утрировать!

– Чем же даже я отличаюсь от осла, работая здесь, на острове? Кто-то придумал мне работу, организовал её, вложил интеллект и деньги, а я просто нанялся выполнять определенные функции. Грубо говоря, тащу повозку. Какое право я имею на его долю в доходах? Ведь подписав договор, в котором согласился на кабальные, как сказали бы вы, условия, я подразумевал, что он вполне справедлив. И какое, в конце концов мне дело, частное лицо или государство в виде абстрактного капиталиста будет моим работодателем, если я вынужден ради куска хлеба работать с утра до вечера? Что капитализм, что социализм – рабочему все равно. Изменяются лишь лозунги на улицах, обманывающие его. И если я добиваюсь большей оплаты, то это не более, чем лучшая оплата раба.

– А вот мы так не считаем и все равно выступаем за равный доход всем!

– В таком случае, о какой справедливости может идти речь? Если я работаю много, а получаю столько же, сколько работающий мало, то это будет несправедливо с моей точки зрения. И я стану работать соответственно вознаграждению! Лучшие работники, организаторы перестанут работать. И что же нас ждет в этом случае?

– Но вот при социализме была ликвидирована эксплуатация человека человеком. И все были довольны!

– Довольны ли? Вот в чем вопрос! – раздраженно воскликнул Ирвин. Его возмутили юнцы, напичканные примитивными лозунгами. – Прежде, чем устраивать революции, нужно было подумать: а будут ли люди работать в условиях социализма!

– А в чем проблема?

– Принеси-ка, друг Гэмфри, еще кофе, – попросил Ирвин, так как друг Гэмфри, несмотря на необычность ситуации, уже клевал носом.

Хозяин встрепенулся и, тяжело и нехотя поднявшись со стула, ушел на кухню.

– Человек должен быть ленив, – прокомментировал поход Гэмфри за кофе Ирвин. – Животному, чтобы выжить, нельзя тратить энергию и время на бессмысленную или малополезную для него работу. Сытый лев не гоняется за ланью. Ленив – это адаптивное поведение, она повышает шансы на выживание. Поэтому, получая при социализме одинаковую зарплату независимо от сложности и результата труда, умственно нормальный специалист только изображал работу, ибо включался механизм защиты от бессмысленной деятельности. В результате рухнул строй, построенный на неэффективном труде.

– Но ведь в определенные периоды времени социализм был очень эффективным!

– Может быть, пока не иссяк энтузиазм. А потом вместо инициативного работника, который ради присвоения прибавочной стоимости и организовывал производство, мы получили раба, которому, чтобы он работал, нужна палка. Палка требует диктатуры, на которой и держался социализм, а при диктатуре – какая может быть Свобода?

– Что бы вы ни говорили, целью человеческого развития должен быть социализм! – раздраженно воскликнул Комиссар.

– Для того, чтобы я был человеком, мне нужно не государство сытых рабочих или население, достигнувшее американской мечты, а общество, в котором я получу свободу не только от гнета экономической бедности, но и от духовного обнищания. Где главным моим занятием будет жизнь, а не производство средств жизни.

– А как этого достигнуть?

– Мог ли Спартак отменить рабство?

– В тех условиях навряд-ли, – задумчиво произнес толстяк.

– Значит, для построения свободного общества необходима не революция, а дальнейшее развитие производительных сил. Только наука может дать нам высокую производительность,

этот механизм освобождения человека от отчужденного труда. Так что не революцией, а наукой вам нужно заниматься.

–Ваши доводы не мешают нам добиваться Справедливости! – после длительной паузы заметил Комиссар.

–Справедливость, повторяю, всего лишь договор.

–Справедливость есть философское понятие..., – начал было Комиссар.

–И как целью борьбы может стать неопределенное философское понятие? Ведь Справедливость всегда субъективна. Борясь с несправедливостью, вы просто насильно навязываете оппоненту своё понимание Справедливости. Кто сильнее, тот и справедливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.